

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
Ночь черного хрусталя

МИЛОВ

Владимир Михайлов

Приют ветеранов

«Автор»

1996

Михайлов В. Д.

Приют ветеранов / В. Д. Михайлов — «Автор», 1996 — (Миров)

XXI век. Вышедший в отставку и собирающийся отдохнуть суперагент Миров вступает в борьбу с международными преступными организациями. Неожидано попав в жестокий переплет, он вынужден с головой окунуться в опасное расследование деятельности синдиката по трансплантации человеческих органов, связанных с ним наркокартелей. Ход следствия выводит его на мощную разветвленную структуру, занимающуюся контрабандой сверхсекретного стратегического материала бета – улурода, способного остановить цепную ядерную реакцию.

© Михайлов В. Д., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир МИХАЙЛОВ

ПРИУТ ВЕТЕРАНОВ

Глава первая

Как это обычно бывает, вещество, чьи кристаллы в быту получили название «матовые алмазы», были обнаружены в природе совершенно случайно, когда экспедиция искала нечто абсолютно другое; именно обнаружены в природе (специально подчеркиваю это), а вовсе не синтезированы в лабораториях «Братья Симс, Лтд.»; слухи такого рода, одно время распростиравшиеся весьма широко, не имеют ничего общего с действительностью. Название это, возникшее оттого, что по составу новый минерал представлял собой не что иное, как всё тот же многоликий углерод, отличавшийся от алмазов единственно формой кристаллической решетки, продержалось, однако, недолго, потому что кристаллы никак не обладали ни твердостью алмаза, ни его блеском – вообще ни единым из тех свойств, которые делают алмаз столь драгоценным. Зато у бета-углерода (такое наименование получил он на научном жаргоне) были, пусть и далеко не сразу, обнаружены совершенно иные качества – те самые, что быстро сделали его рыночную цену на порядок большей, чем у того же алмаза. Эти свойства, обнаруженные также благодаря чисто случайному стечению обстоятельств и недюжинной наблюдательности доктора минералогии Угольфа Шварценберга, в то время (имеется в виду 2009 год) проходившего стажировку в Кембридже.

Открытие в те дни не стало сенсационным лишь по той причине, что было немедленно засекречено – сперва фирмой, а потом уже и государством; режим секретности становился все более жестким по мере того, как установленные качества бета-углерода проявлялись, подтверждались, а пути применения их на практике, поначалу довольно смутные, приобрели вдруг колоссальное – глобального масштаба – значение. В этом отношении открытое вещество можно было бы сравнить, например, с электричеством: не получив исчерпывающего представления о том, что же это, в сущности, такое, цивилизация тем не менее научилась прекрасно им пользоваться. Нечто подобное имело место и в случае с бета-углеродом: объяснить его свойства, исходя из современных физических и физико-химических представлений было совершенно невозможно, напротив: согласно современному уровню знаний, такие свойства существовать никак не могли; тем не менее, они раз за разом подтверждались на практике, что и сделало возможным их практическое применение. Что же касается теоретического обоснования, то оно и по сей день заставляет себя ждать – если только вы не хотите прибегать к донельзя фантастичным гипотезам, какие и сам Бор признал бы слишком уж сумасшедшими для того, чтобы быть верными (упомяну хотя бы предположение о переброске энергии в некую параллельную вселенную, чье существование практически никем, никак и никогда не подтверждалось). Но так или иначе, факты оставались фактами, и по мере того, как их накапливалось все больше, они волей-неволей приобретали черты науки, пусть и чисто прикладной, но от того для человечества никак не менее важной.

Для того, чтобы получить достаточно точное представление о значении новой отрасли знания и применения, довольно сказать, что бета-углерод после соответствующей обработки оказался способным на воистину немислимое действие, а именно: останавливать процесс распада трансуранидов. То есть, процесс этот, насколько можно судить, продолжался; однако продукты его не покидали пределов молекулы, которую бета-углерод более чем охотно образовывал с любым (практически) неустойчивым атомом – не покидали, а девались, как образно выразился один из исследователей этого эффекта, прямо в преисподнюю, где, надо полагать, находили себе применение, заменяя классическую серу. Иными словами, в присутствии бета-

углерода любое (а точнее – в соотношении ста к одному) количество распадающегося вещества становилось не более опасным, чем зубной порошок. В мире, в котором все еще продолжали отмечать годовщину Чернобыля, невзирая на то, что имелись и более свежие примеры опасности атомной энергетики для населения планеты, – в этом мире появление бета-углерода было воспринято примерно так, как осужденный на смерть встречает помилование с полным освобождением.

Как всегда в подобных случаях, разговоры об эффекте намного превысили его подлинные масштабы: говорили и писали уже о полной безопасности любой атомной станции, о возможности немедленного возвращения в оборот зараженных радиоактивностью обширных земель, о полном излечении больных лучевой болезнью, и так далее. На самом же деле бета-углерод добывался с таким трудом и в столь мизерных количествах, что серьезные разговоры могли идти лишь о лабораторных исследованиях и весьма ограниченных попытках применения его в энергетике и медицине. Накопленное до сих пор количество спасительных кристаллов позволяло всего лишь проводить более или менее масштабные испытания, не более того. Правда, к чести исследователей и проектировщиков надо сказать, что серьезное испытание было уже спланировано и состоялось бы уже две недели тому назад, если бы...

Без этого «если бы» давно уже не обходится практически ни одно серьезное начинание в нашем обществе. В случае, о котором идет речь, оно заключалось в том, что фронтальная лаборатория БС, находившаяся в Экваториальной Африке, неподалеку от единственной известной залежи бета-углерода в горах Рувензори и занимавшаяся даже не научной работой, а всего лишь окончательной очисткой вещества перед отправкой его в головную лабораторию в Кембридже, – эта самая лаборатория подверглась нападению хорошо вооруженного и снабженного всею необходимой техникой отряда неизвестного происхождения и принадлежности. Несмотря на неплохо поставленную охрану лаборатории, сопротивление ее защитников было быстро сломлено и весь готовившийся к отправке материал – по не вполне достоверным данным (других просто не было), сорок или почти сорок килограммов бета-углерода – исчез в неизвестном направлении. За исключением полудюжины убитых защитников и множества разбитых пулями стекол, иного ущерба лаборатория не понесла; ее как бы приглашали и далее заниматься своей полезной работой – вплоть до повторной атаки неизвестных. Естественно, что задуманный эксперимент пришлось отложить до лучших времен.

Ответственности на нападение и ограбление не взяла на себя ни одна организация. Непонятной, на первый взгляд, оставалась и цель похищения: мирового рынка бета-углерода, по сути дела, еще не существовало, продать украденное было вроде бы невозможно, потому что применение его все равно не удалось бы скрыть сколько-нибудь надолго, а это привело бы к колоссальному скандалу. Говорили, правда, об определенном экономическом смысле операции: в любом случае добыча и накопление вещества будет продолжено, рынок – пусть не сегодня, но через десять лет – возникнет, цена же на бета-углерод, в полном соответствии с существующей тенденцией, будет лишь расти, а уже сейчас эти, возможно, сорок (или около) килограммов расценивались (во всяком случае, по мнению прессы) в миллиарды долларов, в большие миллиарды. То есть, бета-углерод являлся капиталом, на который шли большие проценты, если даже он не был депонирован ни в одном из известных банков. Такими были рассуждения; следов же не осталось никаких, во всяком случае, в первое время.

Специалисты – уже не физико-химики, разумеется – думали и о других возможных вариантах. И приходили к определенным выводам. Бета-углерод был ведь не только гуманитарным материалом, но и стратегическим. Участвуя в каком-то военном конфликте, в котором возможно применение атомного оружия (пусть хотя бы тактического), вы весьма заинтересованы в том, чтобы сделать свои потери от применения противником такого оружия минимальными, а значит, по возможности нейтрализовать если не сам взрыв (что представлялось весьма проблематичным по чисто техническим причинам), то хотя бы его последствия в виде заражен-

ной территории: вашей – если обстреливают вас, или территории противника – если ее подвергли бомбардировке вы и намерены развить успех, наступая по этой самой территории, пока оппонент не успел прийти в себя. Такое применение бета-углерода не заставляло дожидаться возникновения мирового рынка, но заставляло действовать немедленно – и жестоко. На это и обратили внимание аналитики многих разведок и других серьезных учреждений.

Для того, чтобы определить конкретные направления поиска, требовалось прежде всего вычленить возможные противостоящие пары. Это было сделано быстро, и пар оказалось не так уж мало. Располагались они достаточно широко: Ближний Восток, Африка, в меньшей степени – Латинская Америка; не исключался также и Юго-Восток обширного Азиатского материка. Исходя из того, что заказчик ограбления (если он действительно существовал) вряд ли находился по соседству с местом преступления и скорее всего не успел получить требуемое (поскольку уже через три с половиной часа после происшествия все средства сообщения в мире были поставлены под контроль, возможный, казалось, лишь при развертывании новой мировой войны), правительства крупнейших держав решили объединить условия по обнаружению и перехвату похищенного. Само по себе это было нелегко, поскольку бета-углерод был весьма инертным минералом, заявлявшим о себе только в присутствии радиоактивных материалов, когда и возникали пресловутые «спокойные» молекулы. Не так-то уж просто было – использовать в качестве индикатора радиоактивное вещество, тем более, что аппаратура для такой проверки была отнюдь не карманной.

Опасность, однако, стала настолько серьезной – мысль о новой Мировой войне была отнюдь не праздной, и возникла вовсе не в качестве ораторского трепя, – что было решено бросить в схватку все силы. В том числе и полицию, хотя на нее, надо сказать, возлагалось не так уж много надежд, поскольку она является институтом не столь таинственным, секретным и романтическим, как, скажем, разведка, контрразведка или силы специального назначения. Тем не менее, и она получила свой пакет задач и принялась за их решение по своим – достаточно небольшим – возможностям.

Повезло, однако, не ей. Уже на второй день после ограбления, в аэропорту Карачи был перехвачен груз: три килограмма бета-углерода в той же лабораторной упаковке, в которой он был похищен. Груз был адресован в одну из североафриканских стран. Обнаружен он был во время перегрузки с самолета, прибывшего в Карачи из Кейптауна. Причем искали вовсе не бета-углерод, а героин, и нашли, но не только его. Обстоятельства обнаружения груза в печати освещались весьма неопределенно; можно было предположить, что свою роль в этом деле сыграли так называемые оперативные данные. Сопровождавший груз человек – араб – если и хотел дать какие-то пояснения или показания, сделать этого не успел: он был убит наповал выстрелом издали в то время, как его усаживали в машину, чтобы везти в соответствующее учреждение. Снайпера не обнаружили. В месте, куда груз был адресован, ждали, что появится грузополучатель; никто, однако же, не пришел – видимо потому, что факт перехвата груза не удалось скрыть от газетчиков (похоже, что и не очень старались, в наше время реклама – двигатель не только торговли), и таким образом все, кто был в этом заинтересован, получили своевременное предупреждение. Однако в последующие дни не было перехвачено ни единого грамма материала и оптимистические обещания, во множестве данные после обнаружения трех килограммов, повисли в воздухе. Пытались, заложив все данные в мощный компьютер, более точно вычислить возможных получателей, но данных было слишком мало, вариантов же чересчур много. Поиски продолжались, но безуспешно, и никакие строжайшие режимы не помогали: оставшиеся у похитителей сорок килограммов бета-углерода канули неизвестно куда.

Вот так обстояли дела.

«Известия», Москва:

«Как сообщил пресс-секретарь премьер-министра правительства России, торговая делегация нашей страны ведет в Лондоне переговоры с известной фирмой «Братья Симс» о продаже некоторого количества минерала «бета-углерод». По непроверенным данным, переговоры зашли с тупик: представители фирмы утверждают, что вследствие похищения значительного количества этого вещества, фирма сейчас не в состоянии выставить на продажу ни одного килограмма».

- Аллю! Как меня слышишь?
- Слышу хорошо. Как дома.
- Как дела?
- Нормально. Нанялся в испытатели, как и договаривались.
- Знаю. С нами консультировались.
- Качу по Африке, спешу на свидание. Сейчас я...
- Не надо. Вижу тебя.
- Что-нибудь случилось?
- Ничего особенного. Но придется тебе сделать еще одну работу – по ходу действия.
- Это вроде бы не мой профиль.
- Это твой профиль. Просто вместо одного свидания будут два. Но будь внимателен.

Представишься по третьему варианту.

- Ясно понял.
- Связь такая же.
- Понял о связи.
- Конец связи.
- Конец, конец.

* * *

«М-да, – подумал Милов. – Такие вот дела...»

И этой не высказанной вслух сентенцией закончил достаточно продолжительный разговор – по спутниковой связи.

Чего-чего, но такого оборота он не ждал. Вот уже целую неделю он был далеко от дома, от информации, от полиции, от всего на свете, и удалялся от них все больше. Зато приближался к месту свидания, выбранному им самим по какому-то, могло показаться, неизъяснимому душевному движению; как назвать его? Ветерком из молодости, может быть? Возможно, и так. Он катил под безоблачными небесами экваториальной Африки и чувствовал себя, возможно, так или почти так, как праотец всех людей, впервые ощутивший себя не где-нибудь, а в раю, и не подозревавший еще, что кроме Элизиума на свете существует еще и его противоположность. Тут-то разговор и настиг его и заставил потерять полчаса времени. Но не изменить направления, уведившего, может быть, и впрямь поближе к раю – для жирафов, носорогов и прочих «малых сих», отличающихся вовсе не малыми размерами. К раю ли?

Это зависит от точки зрения. Если направляться к Национальному парку Кагера через Западную Озерную область, через Уширомбо, Бахарамуло и Букобу, дорога размашистыми изгибами поведет путника (вернее, путницу, если быть совершенно точным) между кущами. У нее слегка закружится голова от великого множества оттенков зеленого цвета, и от красных откосов, обнажавшихся там, где дорога уходит в выемку, и от ласкового пения птиц, и звонкого журчания светлых ручьев, и сладостного ветра, чья ласка подобна прикосновению возлюбленного. Ее охватит томительное ощущение, что наступил полдень жизни, и от остро отточенного желания сохранить этот миг навсегда, и от жалящего, как скорпион, сознания, что подобное

не в ее власти. Потом головокружение пройдет, но желание останется, и взгляд не насытится, но невольно проступят слезы счастья, и беглая дрожь преклонения скользнет по телу, а близ дороги зрелый плод, младший брат солнца, со вздохом облегчения упадет с дерева, и захочется остановить движение, сойти с дороги и поднять упавшее, и восхититься устройству мира. Но путница привычно обуздает порыв, и шелест мотора не умолкнет; напротив, он станет слышнее, подчинившись движению ноги, после того, как многолапый паук, чье тело – пустота, возникнет вдруг на ветровом стекле, а звук пронзенного насквозь металла синхронно прозвучит в правом заднем углу кабины. Путница не станет оглядываться и не увидит потому нескольких вооруженных человек, выскочивших на дорогу из высоких, завивающихся в бараний рог папоротников за обочиной; нет, лишь прямой след машины на каком-то отрезке превратится в волнистый. Но уже метров через пятьдесят след снова выпрямится, показывая, что путница вновь обрела спокойствие, и не ждет следующего выстрела, да и тот, что прозвучал только что, считает скорее случайным, чем закономерным.

Кстати, местность становится все менее пригодной для засады: кущи расступаются, распахивается пространство, упирающееся в гряду приземистых гор. К дороге подступает высокая трава, в которой можно скрыться, чтобы протаптывать в ней лабиринт, не зная, где обнаружится выход из него. Вместо того, чтобы выбраться на чистое место, оказываемся вдруг среди деревьев, поднимающих свои разлапистые кроны на шесть десятков метров, а то и выше, и делающих сумеречным для находящихся внизу даже самый яркий день – совсем как в жизни; но об этом задумываться не остается времени, потому что уже видно, как впереди трава скромнеет и все чаще виднеются проплешины, где ничто не захотело вырасти. Чувство счастья, уже потревоженное пробившей стекло пулей, пропадает окончательно, становится более чем ясно, что полдень жизни отзвонил, и взгляд путницы твердеет, тело настораживается, пальцы срastaются с рулем «лендровера». На то, что маячит вдали, даже смотреть не хочется – так все там угрюмо. Путница невольно задается вопросом (потому что у женщин всегда возникает больше вопросов, чем на них есть ответов): почему он не мог назначить встречу в каком-нибудь более уютном месте, где сама природа заставит думать о любви, и только о ней; в Африке очень много таких мест.

Ответа на этот вопрос, как и на многие другие в жизни, можно искать долго, но это сложно, да и не нужно – потому что вот он, Приют Ветеранов, место, куда неожиданно, срочным звонком, перенесена давно ожидавшаяся и раз за разом срывавшаяся встреча. Впрочем, это в его манере – уж эти русские! Пора сбросить скорость и плавно повернуть; и тут женщина за рулем перестает быть путницей и становится просто сама собой. Становится красивой особой, пусть и не самой первой молодости, но еще хоть куда. Есть люди, которые так именно и считают, во всяком случае один-то человек – несомненно.

В этот миг почему-то теряет значение и суровая хмурость пейзажа, и все остальное, кроме одного ощущения: сегодня они будут вместе... Остальное – ничто по сравнению с этим, даже пуля, вырвавшаяся из своего тесного гнездышка, чтобы вволю полетать, охлаждаясь и все замедляя скорость, чтобы под конец пути улечься на теплую, сухую землю, забыв о том, что было пробито стекло и кузов быстрого автомобиля. Ты ведь добрая, пуля, ты никого не собиралась задеть? Почувствовав на языке вкус этой мысли, можно плавно нажать на педаль тормоза, остановиться, выйти из машины и, чувствуя, как от долгой езды затекло тело, направиться к сторожке, что приткнулась к высокой, непроницаемой ограде. Идти она будет неторопливо, плавно, ощущая всем телом взгляд кого-то невидимого, а кроме того – одновременно и обижаясь на то, что она приехала первой, и ждать придется ей, а не ему, радуясь, что у нее будет хоть какое-то время привести себя в порядок. «Жизнь, – думает Ева невольно. – Временами она все еще бывает интересной – жизнь...»

Но если избрать другой путь, берущий начало в Букаву и ведущий через Лоанго и Гомо, а потом, от Кабале – уже не по дороге, а, по сути дела, по едва натоптанной тропе, впечатления будут иными. Дорога не позволит себе ни малейшего отклонения от прямой, как если бы она стремилась преодолеть окружающее ее пространство как можно скорее. Над причиной задумываться не приходится: гладкая полоса плотной земли стиснута черными, выветренными скалами, свалкой неудавшихся эскизов гениального ваятеля. Порой утесы расступаются для того, чтобы дать возможность тончайшему, не знающему неподвижности песку подползти поближе и щупальцами прикоснуться к чужеродному, чья прямизна противоречит основной идее этих мест: непредсказуемости и мертвой изменчивости. Прямая предсказуема, и все вокруг стремится изогнуть ее, изломать, вздыбить, тропа же, чувствуя это, пытается ускользнуть – скорее, скорее... Путник радуется, что отсоветовал своей женщине добираться этим путем, и незаметно прибавляет оборотов мотору, и гротескные фигуры вокруг начинают двигаться быстрее, разыгрывая какие-то сцены, чей смысл непостижим. Мужчина за рулем мрачнеет и даже втягивает голову в плечи – оттого, может быть, что высоко в белесом небе, давно выцветшем от перекрестного, сверху и снизу, зноя, медленно плывут на парусах распахнутых крыльев стервятники, хотя непонятно, где тут находят они пропитание: вулканы уже несколько лет как молчат. А ведь птицы эти не летают зря, они знают, чего хотят, и человек невольно, хотя это караулят не его, пригибается к рулю. Он старается не оглядываться по сторонам, и все-таки не может удержать взгляд на дороге, потому что постоянно кажется, что какое-то из сюрреалистических изваяний, немо грозящих, уже бросилось к нему, оно в прыжке и через миг обрушится, раздавит, сомнет и останется посреди дороги надгробием, красноречивым в своем молчании.

Человек, даже не отдавая себе в этом отчета, обращается по адресу, который на крайний случай хранится у каждого, и просит, трепетно просит, чтобы не перегрелся мотор джипа, не полетела ключьями резина. А местность все повышается, и мотор уже не шелестит, а громко сетует. Нервы на незримом колке натягиваются все туже, и звон их все выше. Он переключается с ветром, взывающим вдруг, как сирена реанимационной «скорой», и с теперь уже гневной бесконечной жалобой мотора. Ноздри судорожно втягивают пересохший хрустящий воздух, царапающий гортань, воздух со стерильным запахом застарелой смерти. Здесь, чтобы погибнуть, не обязательно разбиваться, здесь может убить один лишь ужас, свойственный живому, канувшему в царство безжизненности. Ужас где-то близко, он словно нимбом окружает голову, грозя вот-вот превратиться в сжимающийся обруч, и остается ровно столько жизни, чтобы подумать: пожалуй, отпуск можно было бы провести и более приятным образом, тем более, если собрался провести его с женщиной, встречи с которой редки, но оттого лишь все более желанны. В самом деле, кой черт заставил его выбрать эти места, где он бывал уже однажды, годы тому назад, и никаких особо приятных воспоминаний не сохранил (если говорить о делах, которыми он тогда занимался). Но ведь что-то заставило? Только ли звонок? Может быть, еще и неосознанное желание провести женщину хоть по некоторым местам, с которыми когда-то связывалась твоя жизнь? Но кому это нужно? Ей? Вряд ли. Лучше всего сразу же забрать ее и направиться в места более привлекательные и нейтральные. Но мешает инстинкт вовлеченности в судьбы мира.

А вот и перевал. Впереди, еще не близко, но уже зримо открывается простор. Утесы никнут, как ступленные за долгую жизнь зубы. Здесь сталкиваются ветры, и побеждает встречный, а не тот, что неотступно преследовал ездока. Песок отползает. Вниз, вниз, туда, где на горизонте возникает вдруг ниточка какой-то краски – зеленой? Да, зеленой. Ноздри щекочет запах дороги – оказывается, она пахнет, кто бы подумал... И не только пахнет. Вырвавшись из душливых объятий, она даже позволяет себе шалость – элегантный вираж, и вот нечто возникает впереди, где еще не зелень, но уже и не ужас: Приют Ветеранов.

Колеса бегут, предвкушая отдых. Человек за рулем распрямляется, глубоко вздыхает и даже чуть улыбается. Выходит, на свете еще существует жизнь, а? Да, ну и пробег был, но зато как заманчиво выглядит даль! Прекрасная планета – Земля.

Впрочем, дали ему сейчас не достигнуть. Эта часть пути закончилась. Вот ворота. Плавно срабатывает тормоз. Мотор, едва умолкнув, засыпает, словно солдат в походе, дошагавший-таки до привала. Мужчина вылезает из машины и приближается к «лендроверу», подле которого он специально остановился, хотя места вокруг достаточно. Машина знакома и пуста. Но расчет оказался точным: «Смотри-ка, у нее мотор вроде не успел остыть; хотя при такой жаре и не разберешь толком. Главное – приехала...» При этой мысли человек окончательно перестает быть ездоком и превращается в того, кем и является на самом деле: в достаточно уже пожилого, находящегося в отставке офицера Интерпола, российского гражданина. И спокойно идет к проходной, но в нем звучит, в такт шагам, безмолвный гимн: как прекрасно то, что лежит там, за горизонтом! Когда они тронутся дальше, непременно поедут через то великолепие. Ева, собственно, это уже повидала, ну, а у него на такой крюк не хватило времени. Смешно, конечно: у него, свободного и независимого человека – и не было времени! Что же, по старой мудрости, сапожнику и положено не иметь сапог.

* * *

Милов вошел в проходную, где на него вопросительно воззрелся здоровый парень с автоматом – охранник. Забавно все-таки: приехать совершенно нейтральным, посторонним человеком, туристом – туда, где (еще не так давно, если вдуматься) был ты должностным лицом Всемирной Антинаркотической Службы и выполнял задание; не выполнил, впрочем, поскольку, как оказалось, наводка была ложной и тут ничего не удалось найти просто потому, что находить было нечего. Изменился твой статус, и все вокруг, хочешь не хочешь, воспринимается совершенно по-другому. А если и осталось что-то от старого, то лишь знание того, что надо сделать сейчас в этом закутке: показать, что у тебя нет при себе оружия; это просто, потому что его и в самом деле не имеется. Ни на себе, ни в сумке. В этой. Хотя ты направляешься всего лишь в гостиничку, а не в собственно Приют, однако, по сути дела, это – два разных входа в одно и то же хозяйство. Ветеранов здесь надежно оберегают. Жертвы многочисленных малых войн, что время от времени (и в конце минувшего, вулканического двадцатого века, и нынче, на заре двадцать первого) трясут и этот континент, и те, что расположены севернее, нередко воевали по разные стороны многочисленных маленьких фронтов. Кое на ком из них (а может быть, и на каждом) есть кровь, а в большом мире существуют враги и не умирает закон мести; по этой причине приходится охранять их всерьез.

Охранник очень серьезен, и лишь убедившись, что оружия и вправду нет, выдвигает один из дюжины стальных узких ящичков, как и все прочие, пронумерованный – на этом стоит номер шесть, и на бирке ключа, оказавшегося в ящичке – тоже шестерка. Вот и все сложности. Впрочем, выбирать все равно не из чего: восточная часть Раинды, близ границы с Данзанией, не очень-то богата гостиницами, а уж по соседству с Национальным парком Кагера и подавно. Никаких звездочек этим номерам не полагается, однако цены в них порой не уступают четырехзвездочным, хотя комфорт и сервис не те. С другой стороны, тут не требуют аванса, рассчитываются при отъезде, все на доверии: понятно же, что человек безденежный сюда не приедет, а если и приплетется пешком, то не рискнет воспользоваться услугами Приюта, в котором персонал как на подбор – молодой и хорошо тренированный: основное население приюта, как уже сказано – ветераны войн; народ, с которым порой бывает нелегко договориться.

Однако сию минуту здесь царили столь вожаденные тишина и покой – мечта уставшего. А Милов устал, и действовал сейчас машинально, по давно выработавшемуся стереотипу: поднял свою дорожную сумку и направился к двери, противоположной той, в которую вошел.

Дверь отворилась легко; за ней оказался небольшой тамбур, единственным украшением которого было высокое – в рост – зеркало, из которого двойник окинул вошедшего беглым взглядом. Ничего, находясь в поре поздней зрелости, Милов не утратил еще интереса к хорошей одежде и выглядел сейчас спортивно-эффектным, но не для того, чтобы скрыть возраст, – все равно он написан на лице легко читаемыми письменами, – а просто для правильного мироощущения: давно известно, что платье делает человека, настраивает на определенный лад. Милову именно так и хотелось сейчас выглядеть: уверенно, с некоторой даже лихостью. Двойник в зеркале ему понравился, и он едва заметно кивнул отражению.

Распахнув вторую дверь. Милов вышел в пустынный, поросший короткой густой травой дворик. Удивился, внешне никак не показав этого: во дворике стоял вертолет. Гражданский, «газель». Знаки? Ксенийские. Интересно. Раньше тут садиться не давали. Значит, среди постояльцев какой-то V.I.P., ради которого нарушаются правила. Уже прибыл, или ожидается его визит – вот и приготовили для него транспорт. Ну, а Милову какое до этого дело? Он не на службе. Он в отставке, и на отдыхе к тому же. Так что совершенно ни к чему видеть и запоминать. Только как избавиться от вьезшейся в самые кости привычки, выработанной долгими годами службы в милиции, потом – в Интерполе, дальше – во Всемирной Антинаркотической службе, а самые последние перед возрастной отставкой месяцы – в МАБе (Международном антиконтрабандном бюро)?..

Милов обогнул, не приближаясь, вертолет по высланной квадратными плитками дорожке и вошел в дом. Оказался в длинном коридоре. Остановился перед шестым номером. Отпер и вошел. Провел взглядом по стенам, по немногочисленной мебели. Все было в порядке. Кроме разве что... «Похоже, они тут вовсе не экономят электричество? – эта мысль пришла ему в голову, когда он глянул на вентилятор, настольный; прибор был включен и, как ему и полагалось, поводил массивной головой из стороны в сторону. – Ветерок – это приятно, конечно. Ну, а вот это там... Нет, глянул – и довольно, будем считать, что ты ничего не заметил. Три шага вправо. Подойдем вдоль стены. Посмотрим на шнур. Ну, что? Так оно и есть...»

Да, это, пожалуй, новое; во времена Фермы здесь не проявляли такого любопытства к постояльцам: приехал, уплатил за номер и живи себе на благо. Но не будем присматриваться чересчур внимательно, надо просто отметить факт».

Широкая кровать была застлана свежим бельем, приятно пахнувшим. Милов открыл сумку, достал пижаму, халат, вошел в ванную, пустил воду. Вымылся под душем, с великим удовольствием смывая с себя дорожную пыль; вместе с нею уходило, казалось, и тяжелое впечатление от проделанного пути. Вытершись, надел все свежее, чистые шорты. Поискал глазами, куда сунуть грязное белье; однако стирка, видимо, в программу больше не входила, и пришлось упаковать вещички в пакет и поместить в ту же единственную сумку, где и так было много всякого добра. Увесистой была эта его сумка, весьма-весьма; то был груз старых привычек.

За дверью послышались легкие шаги. Мгновенная остановка. Снова шаги – на сей раз удаляющиеся. Выждав, Милов приотворил дверь. Выглянул. Ничего особенного, просто в рамку на двери оказалась уже вставленной карточка с его фамилией.

Оставив номер открытым, он медленно прошелся по коридору, глядя на двери. Похоже, приют путников пустовал: карточек не было почти нигде – за исключением одной. Он улыбнулся; постоял, прислушиваясь; за дверью было тихо. Вернувшись к себе в номер, взял сумку. Не затем приехал он сюда, чтобы жить в разных комнатах с Евой; поместятся и в одной. Снова вышел в коридор, достал фломастер и на карточке затушевал уголок – так, что в глаза не бросалось, но ищущий найдет. Потом, помедлив, постучал. Без ответа. Постучал вторично – погромче. На этот раз сонный голос отозвался. Милов нажал на ручку и вошел.

Ева улыбнулась ему; она была уже в постели – после такого броска за рулем любой устал бы. Она протянула руки. Милов кивнул и приложил палец к губам, призывая к молчанию. Осмотрелся. Да, и тут было то же самое. Такой же точно вентилятор – и в работе. Интересно,

а выключить его можно или вентиляция принудительная? Да, воистину хозяева Приюта стали страдать любознательностью. Ну что же, придется иметь это в виду – не более того; у Милова с Евой не было никаких тайн от внешнего мира. Когда они вдвоем. А у каждого в отдельности? Как знать.

– Ты в порядке? – спросила она, и так видя, что мужчина в совершенном порядке, хотя и отмахал немало километров, стремясь сюда, на новое, им самим же назначенное место свидания. Спросила просто, чтобы еще на несколько секунд затянуть приятное предожидание давно желанной близости, взаимопогружения, самозабвения. – Без приключений?

Милов с ответом задержался на полсекунды. Если бы сейчас предстоял доклад начальству, он непременно сообщил бы: происшествий лично со мной не было, но невольно оказался свидетелем – в аэропорту Карачи – как перехватывали груз, килограмма этак на три, неизвестного содержания, замаскированный под младенца, который вроде бы даже хныкал – работал крохотный магнитофон в свертке. Так что и без него, Милова, люди МАБа работают, как полагается: рынок где-то в Европе лишился пусть и небольшого, но пополнения, сейчас рынку этому приходится туго, зато выживают люди, для сокращения жизни которых такие грузы предназначаются. Но Ева начальством не была, и до МАБа дела ей никакого нет.

Поэтому он ответил лишь:

– Все без сучка, без задоринки. Слава Богу.

И двинулся к ней, на ходу теряя последние остатки мыслей.

То маленькое событие, свидетелем которого Милов оказался в аэропорту столицы Пакистана, вследствие своей привычности, не произвело на отставного сыщика никакого особого впечатления (о том, что перехвачен был бета-углерод, он тогда не узнал, а решил лишь, что взяли еще толику тканей), Событие это было совсем иначе воспринято за несколько тысяч километров от места происшествия, а именно в одном из уголков Европы, в городе Лера, столице республики Калерия. Известный в деловых кругах Леры адвокат Менотти только что получил по своим каналам это крайне неприятное для него известие. Увы, в Карачи был перехвачен срочный груз. Потеря, если оценивать ее в масштабе деятельности того объединения, к которому адвокат имел прямое касательство, была не такой уж большой, скорее даже незначительной. Но главное тут было не в количестве: потеря означала, что обнаружена и перекрыта еще одна, а если быть точным – последняя тропа в этой части земного шара, и раскрыт еще один способ маскировки, до сего времени считавшийся самым надежным. А потеря тропы – это куда опаснее, чем просто уменьшение дохода: если не найти нового выхода, провал этот грозил полной дезорганизацией и без того уже осажденного со всех сторон рынка, а следовательно – крахом. Резервов здесь, в Европе, не было, да их и никогда не бывало, а клиники настойчиво требовали товар: именно сейчас, в связи с ограничением рынка, спрос был необычайно велик и цены росли.

Для того, чтобы все оставалось в норме, у него было, не считая сегодняшнего, четыре дня: ровно столько времени должна была занять доставка груза из Карачи, поскольку маршрут был достаточно запутанным. Приходилось стороной обходить те пункты, где таможенные и прочие службы сегодня наверняка гарантировали провал. За это время надо было найти выход: предложить новый, куда более надежный вариант. Если такого не найдется – лучше сразу уложить чемодан и исчезнуть где-нибудь в другом полушарии. Но этого адвокату совершенно не хотелось. Да и потом все равно ведь найдут, тогда разговаривать вообще не станут.

Все эти мысли, обрушившись подобно обвалу, похоронили адвоката под собой, какое-то время он сидел за столом, закрыв лицо ладонями; при взгляде со стороны он напоминал собственный надгробный памятник, но никто Менотти не видел. Памятника, кстати, тоже никто бы не поставил: сентиментальность среди его коллег до подобного уровня не доходила.

Так он сидел, и протекло никак не менее пяти минут, прежде чем адвокат пришел в себя настолько, чтобы начать думать не о всяких несчастьях, а конкретно по делу. Голова заработала. Он подхватывал возникавшие идеи одну за другой, двумя пальцами, как неочищенный арахис с блюдечка; однако все скорлупки оказывались либо вовсе пустыми, либо хранили в себе давно высохшие, ни на что не пригодные зернышки, которые и раскусить-то невозможно, а и разгрызи их – ничего не почувствуешь на языке, кроме горечи. Все, появлявшееся в уме, было уже когда-то предпринято, использовано, отработано и отброшено. Рассчитывать на плохую память полицейских оппонентов не приходилось: всё давно уже заложили в компьютеры. Ни единого из придуманных ходов никто из партнеров не только не одобрил бы, но тут же сделал неизбежный вывод: Менотти выработался, и пора ему в отставку. Но как раз этого ему очень не хотелось.

Однако какой бы длинной ни была ночь – пусть она продолжается даже полгода, как за Полярным кругом, в конце концов непременно начинает брезжить рассвет. Точно так же продолжительный перебор вариантов неизбежно приведет к нужному, особенно если и в самом деле подключить к работе компьютер. Менотти так и сделал, и уже через четверть часа наткнулся на такую комбинацию, которая самому ему на ум не приходила, да и вряд ли могла прийти, а если так, то наверняка и противникам его оставалась совершенно неизвестной. Недоступной их пусть и изощренным, но все же – он был уверен – ограниченным самой специфической службы мозгам.

Итак, идея возникла. Правда, надо было ее еще конструктивно разработать, но то было уже делом техники. Важнее (и сложнее) было другое: получить согласие тех, без кого эта идея вообще ни пенса, ни чентезимо не стоила. И надо было это сделать немедленно.

Первого из них он определил сразу же: доктор Юровиц. И тут же, не откладывая в долгий ящик, позвонил.

Юровиц, к счастью, оказался в кабинете, а не в операционной, но готовился к операции и сразу предупредил, что не располагает временем для серьезного разговора. Поэтому Менотти сразу же заявил, что просит уважаемого доктора встретиться с ним и с директором калерийской Пристани Ветеранов фонда «Призрение» господином Корбесом.

Доктор, как Менотти и ожидал, настороженно спросил:

– Марко, а зачем старик вам понадобился? Насколько знаю, он не является вашим клиентом, дела Пристани ведет Корбес-младший.

– Я предпочел бы объяснить это на месте.

– Вы отлично знаете: втемную я не играю. Объясните.

– У вас же нет времени.

– В таком случае я кладу трубку.

– Да постойте! Ну, в самых общих чертах...

Он изложил суть своей идеи, которую без согласия и участия Корбеса реализовать было бы весьма затруднительно, а точнее – невозможно. И тут же услышал в ответ:

– Ну, нет. Старик мне слишком дорог, чтобы подставлять его подобным образом. Да и себя, кстати сказать, тоже. И клинику.

Примерно такого ответа адвокат ожидал и был к нему готов.

– Дорогой доктор, вы не забыли, что я – ваш адвокат?

– Вспоминаю об этом каждый раз, подписывая чек, – сухо ответил доктор Юровиц.

– А следовательно, – продолжал, как ни в чем не бывало, Менотти, – я осведомлен о делах клиники «Гортензия» не хуже, чем вы сами.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только одно: мне известны и понятны причины вашего нежного отношения к Корбесу.

У меня по этому поводу не возникает никаких возражений. Однако же, доктор, самым непри-

ятным из человеческих пороков я считаю жадность. Так вот, не проявляйте ее, поделитесь со мною.

– Чем это?

– Кем. Корбесом, конечно. Его возможностями.

Юровиц немного помолчал.

– К сожалению, я вас не понял. И потом, у меня действительно больше нет времени.

– Хорошо. Я согласен перенести разговор...

– Бесплезно. Я не могу сделать того, о чем вы просите, по множеству причин. До свидания.

Адвокат еще немного послушал гудки в трубке.

– Так я и думал, – пробормотал он. – Ну, что же, Юровиц – не последняя инстанция.

Он ненадолго задумался над тем, кто из известных ему людей мог бы переубедить этого клинического упряма, как Менотти про себя давно уже называл главного врача известной клиники «Гортензия». Однако никаких продуктивных мыслей по этому поводу у него не возникло, и даже компьютер на сей раз не помог.

Доктор же Юровиц, закончив разговор, вместо того, чтобы спешить в свою операционную, позвонил в Лондон своему давнему знакомому, доктору Берфитту, занимавшему в международном фонде «Лазарет», которому принадлежала и клиника «Гортензия», пост консультанта по стратегическим проблемам. Собственно, врачом Берфитт уже несколько лет как не являлся: лицензия на право медицинской практики была у него изъята, а он исключен из врачебного сословия, но Юровиц по старой привычке продолжал называть его так.

* * *

Бывшему доктору Берфитту было сейчас, откровенно говоря, не до старого знакомого Юровица, да и вообще ни до чего, или, если быть совершенно точным, – почти ни до чего на свете. В минуту, когда Юровица угораздило набрать лондонский номер, Берфитт находился не в приятном одиночестве; второе кресло в его кабинете занимал человек, которого экс-медик раньше никогда не встречал, но принял его – поскольку гость явился с наилучшими рекомендациями от весьма достойных людей, – и теперь слушал то, что говорил ему приезжий, с большим вниманием. Потому что новости были и на самом деле весьма увлекательными, а в недалеком будущем сулили еще больший интерес, сугубо материальный. Правда, задача, над решением которой доктору предлагалось поломать голову, была не из простых, но игра стоила многих и многих свеч.

Посетитель был невысок, смугловат, по-английски говорил с акцентом, но язык его взглядов и жестов – не нуждающийся в переводе – был предельно выразительным. А излагаемое этим человеком требовало от собеседника самого пристального внимания, вот почему Берфитт с большим неудовольствием воспринял бы любое обстоятельство, каковое заставило бы его отвлечься от плодотворной беседы. Если бы профессор Юровиц имел об этом хоть малейшее представление, он, безусловно, отложил бы свой звонок до более позднего времени.

– Три килограмма – это очень много денег, – незадолго до того, как раздался звонок, говорил посетитель. – Однако дело, как вы понимаете, в данном случае совсем не в них. Мы готовы даже списать их со счета совершенно, но лишь в том случае, если все остальное количество будет доставлено нам не позже условленного срока. Никак не позже, доктор. И в поисках человека, который сможет наилучшим образом оказать нам помощь в получении этого груза, мы обратились к вам. Хочу сразу же предупредить вас, что сам факт нашего разговора, весьма с моей стороны откровенного, налагает на вас определенные обязательства: знать о нем может только человек, тесно сотрудничающий с нами. Так что согласившись принять меня, вы как бы уже подписали если не контракт, то хотя бы протокол о намерениях. Само знание предмета

нашего разговора подобно mine с радиовзрывателем, а источник сигнала находится у нас. И стоит нажать кнопку...

Говоря это, посетитель показал, каким пальцем и как он нажмет ее.

Берфитт попытался улыбнуться; в театральном училище за такую попытку он никак не получил бы более тройки, да и то при условии доброго к нему отношения.

– Вряд ли можно назвать случившееся следствием вашей оплошности, – ответил он, придав голосу наибольшую убедительность, на какую был сейчас способен. – Замысел был остроумен, и рассчитан на полную безопасность даже при жестком таможенном режиме. Не было ошибок ни в планировании, ни в выполнении.

– Иными словами, вы считаете, что мы можем вновь пытаться использовать ту же самую методику? Полагаю, что не могу согласиться с вами, – говоря словами пророка, «тогда бы я оказался в заблуждении и не был бы идущим прямо».

– Сура шестая, «Скот», – чисто механически констатировал Берфитт. – Однако там же сказано: «У Него – ключи тайного; знает их только Он». Я, разумеется, не претендую на всеведение, но достаточно уверенно могу сказать: произошла утечка информации, и случилось это именно среди ваших людей, обслуживающих тропу. Вас просто-напросто предали.

– Нам нужно от вас, уважаемый сэр, вовсе не расследование причин уже происшедшего; с этим мы как-нибудь справимся сами. Разве вы не поняли? В таком случае, повторяю: мы хотим, чтобы вы доставили нам тот груз, который мы по ряду причин не смогли своевременно вывезти.

– Я прекрасно понял. Но мне до сих пор не ясно: почему же вы не смогли? Почему груз застрял там, где он сейчас находится? И велика ли вероятность, что он еще находится там?

– Значит ли это, что вы беретесь за дело?

– Разумеется, я это сделаю. Но не раньше, чем мне будут ясны ваши условия.

Собеседник вынул ручку и на листке бумаги, поспешно пододвинутым к нему Берфиттом, написал число.

– Слишком мало.

– Вы полагаете?

– Расходы будут, по моим представлениям, значительными. Где, вы сказали, этот груз находится?

– Если у вас есть карта Восточной Африки...

– Разумеется.

Берфитт повернулся к компьютеру, чтобы загрузить карту.

– Вот тут.

– Глухие места. Когда-то я там бывал, и за минувшие годы вряд ли что-то там заметно изменилось.

– Я имел в виду только ваше вознаграждение. Расходы – отдельно.

– В таком случае я близок к тому, чтобы согласиться.

– Вы разумный человек, – чуть заметно улыбнулся собеседник. – Именно так о вас и отзывались те, кто рекомендовал вас. Они также сказали, что вы обладаете большим опытом в подобных делах.

– Но вы так и не ответили на вопрос: почему груз застрял?

– О, доктор, очень просто: стечение неблагоприятных обстоятельств. В условленном месте груз должны были перегрузить с машин на самолет, и он доставил бы нужное прямо к нам. Но самолету не посчастливилось: его сбили «стингером» те, что называют себя Армией Бахуту. После этого мы поняли, что такой путь слишком опасен: ведь самолет могли бы сбить и на обратном пути, когда груз находился бы уже на борту. Это означало бы полный крах. Люди, сопровождавшие груз на земле, естественно, самолета не дождались; им стало известно, что преследователи приближаются. И им пришлось укрыться в ближайшем месте, приспособлен-

ном для этого. Там они и находятся по сей день. Я показал вам, где. Как только мы договариваемся, я даю вам все, что нужно, чтобы они убедились в том, что вы – наш представитель.

– Мне нужно еще подумать. Сию секунду я просто не представляю...

– Думайте, у вас имеется для этого еще не менее десяти минут. А я тем временем позволю себе дать вам несколько советов. Конечно, как осуществить наш заказ, вы решите сами. Но наше требование: откажитесь от всего, что вы знали и использовали до сих пор. Все ваши методы.

Берфитт поднял глаза на говорившего:

– То есть?

– Очень просто. Отбросьте их. Вычеркните всю эту тропу. И найдите новую. Создайте. У вас большой опыт. Делайте все, на что способны, и еще сверх того, но в условленный день мы должны получить заказанное. Иначе... Одним словом, как сказано: «Действуйте, и увидит ваше дело Аллах».

– Но не проще ли отложить...

– Нет, – сказал собеседник, даже не дав Берфитту договорить. – Не проще. Не скажу даже, что это сложно. Невозможно – вот настоящее слово. Речь идет о судьбе если не всего мира, то немалой и важной его части. Ибо сказано: «Кто бывает врагом Аллаха и Его ангелов, и Его посланников, то ведь и Аллах – враг неверным!» Надеюсь, вы меня хорошо поняли?

Тут и раздался звонок.

Сперва Берфитт ответил достаточно резко, что занят по горло и помочь никак не может. Однако, услышав, какие проблемы волнуют главного врача, с каким предложением обратился к нему Менотти, тут же сменил гнев на милость.

– Хорошо, – сказал он. – Завтра я должен быть в Москве по делам нашего Фонда. Да-да, доктор, мы действуем, мы заново открываем эту планету, не так ли? Москва, как ни странно, тоже на Земле. Я изменю маршрут и полечу через Леру. На несколько часов смогу задержаться у вас – до московского рейса. Ждите меня в аэропорту.

– Не могу сказать, как я вам благодарен, доктор.

– Если понадобится, я вам подскажу нужные слова. Созвонитесь с Менотти и скажите, что завтра я хочу с ним встретиться. И с директором Пристани Ветеранов тоже. А вообще-то наши методы, доктор Юровиц, уже сильно пахнут нафталином, или чем это теперь борются с молью; они в прошлом, а думать надо о будущем. Итак, до завтра.

– Жду вас с нетерпением. И надеюсь, что у нас не будет перебоев со снабжением.

Берфитт положил трубку и улыбнулся – на этот раз искренне.

– Не знал, что вы собираетесь в Москву, – заметил его собеседник.

– Я и сам понял это лишь секунду назад.

– На вашем месте я не стал бы отвлекаться на какие-то другие дела, пока не нашли возможности выполнить наш заказ.

– О нем-то речь и идет.

– Но при чем тут...

– Насколько я помню, у вашей страны хорошие отношения с Москвой, не так ли?

– Так угодно Аллаху.

– Аминь. Следовательно, сообщения между Москвой и вами вряд ли подвергаются тем же строгим мерам, какие уже установлены на других линиях. Или я неправ?

– Гм... Мысль ваша не лишена остроумия. Но практически?..

– Фонды, чьими делами я занимаюсь, как раз завершают в Москве переговоры о создании клиники и Приюта Ветеранов. Если воспользоваться этими обстоятельствами определенным образом, мы сможем быстро и надежно выдернуть ваш груз, подробности не должны вас

интересовать. Так или иначе, все складывается весьма благоприятным образом – для вас и, следовательно, для меня. Я вылечу туда, как представитель Фондов...

– Согласятся ли на это их руководители?

– Уверяю вас – они будут очень довольны. А о некоторых деталях – вы понимаете – я вовсе не собираюсь их информировать. Могу сказать: сейчас я совершенно уверен в успехе.

– Иншалла, – пробормотал собеседник, поднимаясь.

Наутро Юровиц встретил Берфитта и проводил его к машине. Они уселись на заднее сиденье лимузина, водитель мягко тронул с места.

– В гостиницу «Калерия», я полагаю? – спросил Юровиц. – Лучшее, что есть в городе.

– К чему? Вы предупредили тех, о ком я говорил?

– Разумеется.

– Тогда – прямо в Пристань. Надеюсь, они уже там.

– Я задумался над вашими проблемами, – говорил Берфитт троим, внимательно его слушавшим. – Достаточно легко понять, что вам, адвокат, нужна новая система перевозок. А вам, доктор – материалы для клиники. Я обдумал ситуацию и, думается, пришел к неплохим выводам. Господин Корбес, я полагаю, действительно настала пора использовать ваших пациентов не только таким образом, как вы делали это до сих пор. Пора мыслить широкими масштабами.

Корбес, раскрывавший рот лишь в случаях крайней необходимости, безмолвно пожал плечами.

– Я внимательно выслушал предложение мэтра Менотти, – продолжал Берфитт. – Сразу же выскажу свое мнение: оно мне совершенно не нравится.

– Как и мне, – тут же присоединился Юровиц. Корбес кивнул.

– Но, господа, я не согласен совсем не по тем причинам, по каким его отвергаете вы. Ни один из вас просто не хочет лишних волнений, и это совершенно понятно, однако, и столь же совершенно необоснованно. Мне же оно не по вкусу потому, что оно слишком примитивно. Лишено той искры фантазии, которая только и делает всякое произведение ума великим. Наш адвокат лишь начал думать, но остановился на полдороге. Я же развил его идею до конца. Сейчас я объясню вам, как все должно выглядеть с моей точки зрения, и вы убедитесь в том, что никто из вас ничем, совершенно ничем не рискует, зато, не неся никаких дополнительных расходов, заметно увеличит доходы.

Главный врач и директор Пристани Ветеранов лишь бегло переглянулись, ни один не сказал ни слова. Менотти улыбался так ослепительно, как будто его только что похвалили. Берфитт усмехнулся и заговорил вновь.

На изложение придуманного им плана ушло не менее десяти минут, и настроение присутствовавших за эти минуты стремительно поднималось от точки замерзания почти до точки кипения.

– Выберите одну из ваших периферийных Ферм, с которой можно было бы начать, – в заключение сказал он Корбесу. – Я не занимался делами фонда «Призрение», однако, структура ваша мне в общем известна. Через четыре часа я вылетаю в Москву, как я уже говорил доктору, по делам фонда «Лазарет», но могу позволить себе заняться и вашими делами. Что же касается Фермы, то, насколько я помню, у вас есть одна в Раинде... Думаю, она вполне пригодна для нашего эксперимента.

– Чтобы заниматься делами «Призрения», необходимо разрешение правления фонда, – директор Корбес наконец-то прервал свое молчание.

– Да, я в этом не сомневался с самого начала, – улыбнулся Берфитт. – И потому еще находясь в Лондоне переговорил с президентом фонда и получил от него полномочия пред-

ставлять «Призрение» везде, где моя скромная помощь сможет пойти на пользу человеколюбивому фонду. Так что не беспокойтесь, директор.

Корбес снова ограничился легким кивком.

– Возможно, вам нужно подумать относительно предложенного мною для эксперимента Приюта? Вы могли бы назвать мне более удобное место, пока мы будем обедать. Хотя я сомневаюсь в том, что вы такое найдете.

Корбес кивнул чуть более выразительно.

– Из Москвы я смогу на пару дней вылететь в любую точку земного шара, чтобы проинструктировать ваших людей, ну и, быть может, показать им, как нужно работать, чтобы достигнуть нужного результата.

– Я уверен, они справятся, – уронил Корбес четыре слова. И сжал губы так плотно, словно боялся, что из его рта выскочат еще какие-то – лишние – слова.

– Однако, – продолжил Берфитт после непродолжительной паузы, когда остальным уже показалось, что разговор закончен, – для нашего общего успеха план этот должен быть реализован с величайшей точностью. Для этого прежде всего необходимы люди в Москве – очень надежные люди. Надеюсь, эта мысль является для вас очевидной.

– Поищем... – неопределенно проговорил Менотти.

– Вам не придется трудиться: я их уже нашел. Прежде всего, нам нужен надежный и посвященный во все детали операции главный врач московской клиники – в фонде мне сказали, что она будет носить название «Ромашка». Опытный – чтобы открытие ее прошло должным образом, ну и... Правда, лишь на время: пока все не будет налажено. Доктор Юровиц, руководство фонда согласилось с моей рекомендацией, и через час-другой вы получите распоряжение выехать в Москву и возглавить клинику. Ненадолго – на месяц-два, не более.

Лицо доктора Юровица налилось гневной краснотой; он, однако, промолчал и лишь медленно кивнул.

– Вы же, мэтр Менотти, будьте готовы вылететь туда же по первому требованию. Мне, возможно, придется заниматься и другими делами, тогда часть работы по организации транспортировки ляжет на вас.

– Я подумаю.

– Думать следует лишь в случаях, когда это необходимо. Сейчас у вас нет ни малейшего повода для размышлений. Я говорю это не от своего имени.

– Пусть будет так, – буркнул Менотти.

– В таком случае, наш разговор подошел к концу. Мне пора. Надо еще предупредить кое-кого там о моем приезде...

* * *

В Москве Берфитт оказался впервые в жизни; однако если бы кто-то наблюдал со стороны за его прибытием, то наверняка решил бы, что этот джентльмен если и не живет здесь постоянно, то во всяком случае раз в неделю прилетает, чтобы полакомиться блюдами русской кухни. И так, его встретили, и не один человек, а трое; может быть, конечно, кто-то еще оставался и в «линкольне», в который его усадили, чтобы отвезти в гостиницу «Империиум», считающуюся в российской столице одной из лучших.

Берфитт остался доволен как встречей, так и обедом, данным в его честь на частной квартире, а также и теми разговорами, которые за столом велись. Ему удалось быстро договориться о приеме в Министерстве здравоохранения России. Ему также сразу пообещали и другую встречу – с человеком, хорошо знавшим Подмосковье и, не столько в силу своего служебного положения, сколько благодаря знакомствам и связям, способному оказать помощь в приобретении или аренде подходящего участка. Подходящего – по представлениям фонда

«Призрение», делами которого Берфитт стал заниматься с не меньшим рвением, чем проблемами другого фонда – «Лазарет».

Однако и та, и другая встречи могли состояться, как выяснилось, лишь в середине следующей недели. Не привыкший к подобным запинкам и ожиданиям Берфитт пытался было протестовать, но ему разъяснили, что в России свои порядки и традиции, и что касается министерства, то там ускорить дело пока совершенно немыслимо, что же касается человека со связями, то его сейчас просто не было в Москве: он давал концерты в провинции, и должен был вернуться не раньше, чем через шесть дней. Во всяком случае, так объяснили в его офисе.

Не привыкший терять время Берфитт, вернувшись в отель, сразу же поинтересовался у клерка, имеется ли у Москвы воздушное сообщение с Раиндой, безразлично – собственные ли туда летают самолеты или транзитные. Клерк ответил, что, к великому сожалению, воздушные сообщения с этой интересной страной еще не установлены, хотя, как он слышал, предполагаются переговоры.

– В таком случае, в какой ближайший к Кигари аэропорт летают? Мне думается, вы наверняка связаны с Заиром.

Клерк обратился к помощи компьютера.

– Разумеется, в Киншасу самолеты летают. Однако позвольте заметить, что от Киншасы до границ Раинды весьма не близко.

– Вот как? А что ближе?

– Ну... Дар-эс-Салам, но тоже достаточно далеко. Самый близкий аэропорт – в Кампале. Это в Уганде.

Берфитт кивнул. Что Кампала – в Уганде, он знал и сам.

– Ежедневно?

– Нет. Два раза в неделю.

– Ближайший рейс?

– В пятницу.

А сегодня вторник. Нет, это не годилось.

– Позвольте мне взглянуть на расписание.

– Сделайте одолжение.

– Благодарю. М-м... Ну что же, ничего другого не придумаешь. Вот на этот рейс, завтра в полдень. В Майруби, Ксения. С посадками в Риме и Каире. В первом классе, пожалуйста. Один.

– Я немедленно закажу.

– Смогу ли я получить билет еще сегодня?

Клерк сделал большие глаза:

– Ну разумеется!

По мнению Берфитта, это вовсе не разумелось, тем не менее, он счел необходимым улыбнуться:

– Благодарю, еще раз.

Оплатив и оставив за собой номер в отеле «Империиум», Берфитт на следующий день без помех вылетел из Москвы, и без малейших осложнений к вечеру прибыл в Майруби. В аэропорту Кувала его ожидал человек по имени Урбс. Он широко улыбался.

– Господи! – сказал Берфитт невольно. – Это вы? Вот уж не чаял! Я думал, вы все еще...

– Уже четыре года как здесь. Вдали от шума больших городов, ну и так далее.

– Приятно встретить старого знакомого, – сказал Берфитт.

– Я был очень обрадован, узнав, что к нам направляетесь именно вы. Но у нас, надеюсь, еще будет время поговорить. А сейчас тут, на вертолетной площадке, стоит моя машина.

– Живете с удобствами.

– Обычное преимущество провинции. Вертолет, правда, я нанял. С его владельцем и пилотом у меня давняя дружба...

Пересев в вертолет, Берфитт менее чем за три часа достиг цели своего полета. Вертолет опустился во внутреннем дворе Приюта Ветеранов, и Берфитт вылез вслед за Урбсом, с удовольствием разминая ноги.

За посадкой вертолета с интересом наблюдали несколько человек, наверное, специально ради этого зрелища вышедшие во двор. Наметанным глазом Берфитт без труда определил охранников, что же касается медиков, то их опознал бы любой – по халатам. Не белым, правда, но светлого салатного цвета. Однако один из присутствовавших заставил его задуматься, напрочь память. Тем временем кто-то из встречавших подошел к Урбсу и негромко заговорил; выражение его лица было таким, словно он за что-то извинялся, может быть, просто за то, что сообщение его было не из приятных. Берфитт напряг слух. Вернее, он даже не старался услышать разговор, это произошло само собой, по привычке. Одновременно он перевел взгляд на Урбса; тот был хмур и, кажется, сердит. Берфитт снова взглянул на заинтересовавшего его человека, но увидел лишь место, где тот стоял; самого человека уже не было. Берфитт озабоченно покачал головой.

Задерживаться во дворе было больше незачем, и Берфитт, подчиняясь приглашающему жесту Урбса, вошел в отдельно стоявший домик, где помещалась контора Приюта.

Милов, вернувшись из дворика в номер Евы, попутно убедился в том, что сигнал его принят: на карточке, красовавшейся на двери, теперь оказался заштрихованным еще один уголок – напротив первого, по диагонали.

Оставалось только ждать и вести себя непринужденно.

Глава вторая

Лондонская «Таймс» на первой полосе:

«Находится ли похищенный материал еще в Африке?»

Как известно, все живое, передвигаясь, оставляет следы. Похитители «матовых алмазов» не явились исключением. Как показали лучшие следопыты Англии и Южно-Африканской республики, оказавшиеся на месте происшествия уже через семь часов после вооруженного ограбления, преступники, совершив свое дело, скрылись на автомобилях; это было возможно, поскольку похищенный груз является достаточно компактным и легким. Используя современные приборы, а также, увы, немногочисленные, полицейские вертолеты Уганды, машины эти удалось обнаружить уже через три часа поисков, к сожалению, пустыми. Автомобили найдены на краю летного поля для частных самолетов легкомоторной авиации; это дает основания думать, что груз был погружен на самолет. Опытные специалисты считают, что более чем сорок килограммов бета-углерода уже вывезены за пределы Африки и где-то будут перегружены на другие транспортные средства, но не таким образом, как это пытались сделать в Карачи. По имеющимся сведениям, наиболее оживленное движение самолетов частной авиации, помимо Карачи, происходило из районов, близких к месту преступления, в направлении Индостанского полуострова, хотя предполагалось, что скорее всего груз следует искать в пределах другого полуострова – Аравийского. Так или иначе, сейчас считается весьма вероятным, что поиски похищенного на африканском континенте вряд ли могут привести к успеху».

«Известия»:

«Как сообщили нашему корреспонденту в Институте Прикладной физики, закупка некоторого количества бета-углерода имела своей целью тщательное исследование минерала в лабораторных условиях для создания методики его искусственного производства. Вряд ли нужно напоминать о значении этого вещества в повышении надежности ядерной энергетики, не говоря уже о его оборонном значении.

Представитель отметил, что правительство России, по имеющимся у руководства института сведениям, намерено продолжать переговоры, выдвигая новые, более убедительные аргументы в пользу продажи».

Разговоры по делу заняли не более часа, после чего Урбс пригласил гостя поужинать.

– Да, с удовольствием. Но прежде скажите... Перед тем, как войти в дом, я видел встречавших нас людей. Кто они?

– Это персонал.

– Все?

– Разумеется. Хотя... Ах да, там, кажется, был и один из наших постояльцев. Сейчас их вообще лишь двое: он и женщина. Они живут в одном номере, прибыли в один день. По моему, просто любовная история, типичная для людей этого возраста. Он заинтересовал вас?

– В определенной степени. Скажите, – Берфитт округло повел рукой, указывая на экраны; более десятка их помещалось у одной из стен, – вы просматриваете только служебные помещения?

Урбс чуть заметно улыбнулся.

– Не только. В случае необходимости...

– Считайте, что она возникла.

– Вас интересуют эти люди?

– Вот именно.

– Что же, посмотрим...

Урбс переключил один из экранов. И тут же, усмехнувшись, выключил подглядывающее устройство, поскольку двое в постели в этот миг вели себя непринужденно. Звуковой канал, правда, продолжал действовать, и можно было сидеть и слушать все, что доносил до них микрофон из восьмого номера.

– Ты так и не рассказал мне: как ты добрался?

– Без приключений. Ну, а ты как доехала? Все спокойно?

– Очень приятная поездка – если не считать...

– Понимаю, о чем ты: видел твою машину. Был только один выстрел?

– По-моему, да. Собственно, я и этого не слышала. Увидела вдруг дырку в стекле. Немного испугалась. А больше ничего такого. Как ты думаешь, кому понадобилось стрелять в меня?

– Наверное, ты тут не при чем. Кто-то позарился, может быть, на «ровер», или на имущество путника, или на все вместе.

– Здесь это возможно?

– Тут не самые спокойные места в мире. Не так давно шла драка... да и сейчас, по слухам, продолжается. Местами. Не зря ведь существует этот Приют. Сюда не возят ветеранов из Европы или Америки. Хватает своих.

– Но мне помнится, что он принадлежит не местным властям...

– Какая-то благотворительная организация или фонд, не знаю точно. Из Европы. И персонал их. Своего рода миссия.

– Может быть, «Врачи без границ?»

– Нет, не они; я бы запомнил. Какое-то неизвестное название. Да какая разница: как зовут того, кто делает доброе дело?

– Никакой, конечно. Спасибо им за то, что приютили нас. Какая здесь стоит приятная тишина, правда?

– Боюсь, что сейчас мы ее снова несколько нарушим.

– Попозже, Дан, хорошо? Мне надо отдохнуть, привести себя в порядок. У нас еще немало времени.

– Не так-то уж и много. Боюсь даже, что нам придется ввести в нашу программу какие-то коррективы.

– Я прекрасно помню, что мы собирались делать. Через Майруби добраться до Нонбасы, сесть на корабль и насладиться плаванием до Бомбея. И уже там разделить. Какие у тебя могут быть возражения?

– Из Кисангани мне удалось позвонить в Нонбасу и выяснить расписание. Рейс на Бомбей будет, хорошо если через две недели. А это значит, что времени у нас остается больше, чем мы рассчитывали.

– Но это же прекрасно!

– А я и не говорю, что плохо. Но именно поэтому мы можем изменить наши планы – в смысле расширить. Мы собирались катить в Нонбасу прямым путем, через Майруби. Но

столиц мы и так с тобой навидались, мне кажется, достаточно, и они были наверняка получше этой.

– До сих пор я с тобой согласна. А что ты предлагаешь конкретно?

– Многое. Отсюда недалеко до озера Киву – тут же, в Раинде. Там можно как следует купаться – в этом благословенном водоеме не водятся крокодилы, мне это представляется большим достоинством.

– Кто нам помешает?

– Оттуда спуститься южнее, нанять лодку и сплавиться по озеру Танганьика – по всей его длине. Представляешь, какой кайф будет?

– М-мм... Звучит прекрасно. А что же станет с машиной?

– Возьмем с собой, только и всего. Высадимся в Мпулунгу. Там начинается шоссе. Доедем до Наконде, оттуда дорога идет на восток и дальше на север. Не доезжая Аруша, кладем руль на ост и спокойно доезжаем до Нонбасы, где нас уже будет ждать пароход.

– Если только достанем билеты.

– За кого ты меня принимаешь? Я был уверен, что ты со мной согласишься, и заказал билеты по телефону.

– Я всегда знала, что ты молодец. И я не зря полюбила тебя.

– Кроме всего прочего, мы объезжаем Майруби по большому крюку. А там, как-никак – наше посольство, вежливость потребовала бы от меня явиться туда, а наше чиновничество, поверь на слово, ничуть не лучше африканского. Зато в Нонбасе нет даже нашего консульства. Ну, уговорил я тебя? Или еще надо доказывать?

Милов смотрел на Еву в упор, выражением глаз досказывая то, чего не хотел произносить вслух. И она поняла; она достаточно давно уже привыкла понимать его; как и он ее, впрочем.

– Ну, хорошо. Три недели, до Александрии, мы провели вовсе не так плохо, и если предстоящие две будут хотя бы не хуже...

– Они будут еще лучше, ставлю двадцать против одного!

– Принимаю. Мало того, считаю – просто чудесно. Спасибо тебе за этот замысел. Мне никогда бы не пришло в голову что-то подобное.

Последовала небольшая пауза.

– Знаешь, мне кажется, я уже отдохнула...

Снова пауза. Протяжно скрипнула деревянная кровать: это Милов опустил на нее всем своим весом.

– Пожалуй, я погашу свет, – проговорил он перед тем.

– О, конечно же!

В дверь деликатно постучали. Берфитт поднял брови. Урбс протянул руку и выключил звук.

– Войдите!

В дверях показалась женщина – молодая и далеко не уродливая. На ней был медицинский халат.

– Шеф, извините за беспокойство. Я только хотела сказать...

– Минутку. Мисс Кальдер – мистер Берфитт. Мисс Кальдер из нашей медицинской команды. Заслуживает всяческих похвал.

Берфитт улыбнулся:

– Видимо, я оказался здесь не вовремя?

– Ничуть, сэр, – ответила женщина сухо. – Я хотела лишь сообщить, что охотники вернулись, но без дичи.

– Вот как, – проговорил Урбс недовольно. – Хорошо, благодарю вас. Вы можете идти, мисс Кальдер.

Она кивнула и вышла.

– Приятная девушка, – проговорил Берфитт, все так же улыбаясь. – Вы тут, похоже, не скучаете?

– Разумеется. Но она, к сожалению, не имеет к этому никакого касательства. Так что вы скажете относительно услышанного?

– Да, это он, – сказал Берфитт. – И не очень, надо сказать, сдал за эти годы. Паренек хоть куда. И дама его тоже весьма мила... на слух. Можно только позавидовать. Он неплохо прикрылся. Правдоподобно. Но никто на свете не заставит меня поверить, что эта старая ищейка оказалась тут просто так, по стечению обстоятельств. Урбс, вы уверены, что нигде нет никаких проколов? Только откровенно. Вы знаете, к чему приводит неискренность, не так ли?

– Насколько я понимаю, наш постоялец не из ваших друзей? – уточнил Урбс. – И не добрый знакомый?

– Добрым я бы его не назвал... Самое смешное, что лет десять тому назад я встретился с ним именно здесь. Когда еще не существовало Приюта, а место это называлось просто Фермой.

– Ищейка?

– В те времена он котировался достаточно высоко. Был хорошо натаскан.

– Но, судя по тому, что я о вас знаю, он не добился успеха. Не то в вашей биографии возникли бы серьезные пробелы.

– Разумеется, он ничего не нашел. И не мог, кстати. Здесь ничего не было. Но все же несколько позже им удалось перегородить тропу; правда, в другом месте.

– Гм, – сказал Урбс. – Он все еще на службе?

– Его имя мне уже некоторое время не встречалось среди активных деятелей.

– Может быть, его упрятали за ширму? Раз уж вы полагаете, что он оказался тут не случайно.

– Я еще не пришел к выводу. Но так или иначе, если он даже не на службе, надо обращаться с ним, как с активным сыщиком. Он, насколько мне известно, из таких же, что и я: подобные люди не уходят в отставку, их выносят в гробу. Таким характерам, дорогой Урбс, можно только завидовать.

– Черта с два, – сказал Урбс, хмуро усмехнувшись. – Завидовать ему, если он приехал сюда, чтобы что-то вынюхать, может только последний дурак. Или тот, кому хочется поскорее умереть без особых хлопот. Что касается отношения к нему, то мы чисты перед любым законом, как новорожденные младенцы. Конечно, бывают накладки, даже в самой лучшей системе. Но у меня все благополучно, а если говорить о проколах, то их, по сути, в мое время не было. Правда, как-то раз хотел уйти один из сотрудников. Но это, по сути, не прокол: он ушел недалеко.

– Понимаю. У вас по-прежнему твердый характер.

– Иначе здесь нельзя.

– Пожалуй. Ну, а этот, сегодняшний? Я имею в виду пациента, о бегстве которого вам доложили сразу после приземления. О, я услышал этот доклад чисто случайно – свойство моего слуха. Вам не кажется подозрительным это совпадение: пациент бежит, а через несколько часов тут появляется наш старый знакомец, да еще с дамой? Вы верите в такие случайности, Урбс?

– Я вообще ни во что не верю. Кроме того, что вижу собственными глазами. Может быть, это совпадение. Может быть – нет. Но полагаю, что если наши гости вас волнуют, то мы можем разобраться с ними без хлопот.

– Не стану возражать. Но мне было бы куда спокойнее, если бы мы расстались с ним по хорошему.

– Как прикажете вас понимать? Хотите отпустить его?

– Маршрут их нам теперь известен. Было бы неплохо какое-то время повести парочку на поводке, а потом, достаточно далеко от нас, устроить им внезапное и пристойное расставание с

жизнью – например, поставить им в машину часы с «кукушкой»... До утра у нас уйма времени. Они, я полагаю, еще долго будут заняты друг другом.

– Неплохо было бы проверить.

– Вот и проверьте – кто вам мешает?

Урбс включил звук. Несколько секунд оба настороженно прислушивались. Они не услышали ни единого слова. Разве что какие-то обрывки их. И стоны. И скрип кровати.

– Видите, – сказал Урбс, выключая. – недвусмысленные звуковые эффекты. Итак, они заняты. Оборудуем машину?

– Мне все-таки не совсем понятно... – медленно проговорил Берфитт. – На что он рассчитывал, снова появляясь здесь? Что у нас короткая память? Что сменился персонал? Конечно, он вряд ли ожидал увидеть тут меня... Очень хорошо, если он не связан с моими делами. Но на сей раз они раскидывают сети очень широко.

– Вы уже второй раз, если не третий, говорите о вашей миссии. Меня терзает любопытство. Видимо, речь идет не о нашем обычном товаре? Если так, то у меня возникают сомнения, могу ли я подвергать нашу систему какому-то дополнительному риску. Уровень моей ответственности...

– Пока я здесь, забудьте о ваших уровнях, Урбс. У меня все полномочия. И вам если и придется отвечать за что-то, то лишь за точное и скрупулезное выполнение моих приказаний. А волнения и тревоги оставьте на мою долю.

Урбс усмехнулся.

– Охотно. В таком случае, буду ждать указаний. Что же касается нашего постояльца: вы полагаете, он узнал вас так же, как вы его?

– У полицейских тоже хорошая память.

– Да, расчет, мне кажется, был неплохим. Если, конечно, это и на самом деле расчет. Ведь, не окажись вы сегодня здесь, никто бы не опознал его. Я-то никогда с ним не встречался.

– Это верно. Вот вам еще одно совпадение – или случайность, если угодно. Ну, что же, на этот раз ему крупно не повезло.

– Значит, готовим машину?

– Обе, для верности.

– Будь по-вашему. Я вызываю Вернера. Это мой помощник по технике.

– Да. Пусть делает. А у нас еще есть, о чем поговорить.

В дверь негромко постучали.

– Открыто!..

Человек вошел.

– Вы прямо-таки читаете мысли, Вернер, – сказал Урбс. – Я только что хотел пригласить вас. Впрочем... Что с вами приключилось? Живот схватило? Примите таблетку...

– Шеф, – сказал называвшийся Вернером. – Группа вернулась.

– Уже знаю. Под ручку с черным, я надеюсь?

– В том-то и дело, что нет. Они не нашли его.

– Не понимаю. С собаками – и не найти сбежавшего негра? Будь он птицей или хотя бы летучей мышью, я бы еще понял. Но он ведь передвигается по земле, как все мы, грешные, машины, насколько известно, ему никто не предоставлял, мой вертолет на приколе... Объясните мне, Вернер, если все было так хорошо организовано, как беглецу удалось ускользнуть?

– Темно. Новолуние. Он оказался отменным бегуном. Первым добрался до воды. Собаки сбились.

– А вы все стояли, разинув рты, и смотрели вдогонку?

– Меня там не было, шеф, вы это знаете. Наши видели и, по словам Костера, обстреляли его, когда он был еще на этом берегу. Наверняка ранили. Удалось найти следы крови. Но он ушел – рана, видимо, легкая.

– Да уж наверное – если человек мчится, как лошадь на «Гран-при»... Как далеко он может уйти до утра?

– Разве что в глубину парка. Дороги мы контролируем – обе. Люди с собаками.

– Да. Вы меня огорчили, Вернер, очень огорчили. А у меня сложилось о вас такое хорошее мнение... Теперь слушайте. Со светом надо отыскать его и взять. Если получится – живым, но не обязательно. Теперь слушайте очень внимательно. Я вам объясню, что вы должны сделать немедленно. Возьмите двое часов с «кукушкой». И оборудуйте обе машины, что стоят за забором. Наших постояльцев. Установите... ну, скажем, на два часа после включения мотора. С обычной дозой. Надеюсь, у вас есть все необходимое?

– Слушаюсь, шеф. О да, у нас имеется все нужное.

– Скажите доктору Курье – пусть зайдет ко мне немедленно.

– Будет исполнено. Чертов негр! Хотя если даже он и удерет, что он, собственно, может сказать? Лесной дикарь...

– Он кто – тутси?

– Какая разница? Будь он хоть ватусси...

– Никакой, если он действительно лесной негр или даже рыбак. Но согласитесь, Вернер, в его поведении – в этом самом побеге – есть что-то не от лесного негра. В том, как он вырубил охранника, чувствуется определенный стиль, вам не кажется? Стиль тренированного работника.

– Гм... Наверное, шеф, вы как всегда правы. Теперь и мне начинает казаться... Недаром же он додумался прихватить с собой мешок с отходами. Зачем они понадобились бы человеку, стремящемуся просто унести ноги?

– Об этом вы не сказали, Вернер! Какие отходы? Те, что...

– Те самые, шеф.

– Может, он каннибал?

– Вряд ли. Боюсь, что нам его подсунули.

– Заготовщики?

– У них, конечно, не было такого намерения. Но он умело подставился им – они и схватили. Теперь, после всех совпадений – я не исключаю. Вы тоже подозреваете его?

Вместо Урбса ответил Берфитт; на сей раз его голос не был мягок.

– И очень сильно. Он бежит, да еще не с пустыми руками – и тут же появляется опытный полицейский, используя вместо фигового листочка даму, которая, кстати, вполне может быть из той же команды.

– Мне тоже так кажется, сэр, – кивнул Урбс. – Теперь дело выглядит так: если мы дадим уехать этим двоим, что сейчас нежатся рядом с нами, то они смогут перехватить его где-нибудь неподалеку, еще до того, как наши машинки сработают. А после этой встречи – как знать, может быть, они вообще бросят машины и исчезнут неизвестно, куда. Ведь не я один располагаю вертолетом – их развелось великое множество.

– Пожалуй, в ваших словах есть резон... – медленно проговорил Берфитт, все так же привычно улыбаясь. – Ну, хорошо; пусть они натешатся и крепко уснут, тогда вы их нейтрализуете. А потом на их же машинах отвезете подальше, и там пусть «кукушки» сработают. Мы же должны остаться совершенно в стороне.

– Вернер, вы все поняли?

– Без сомнения, шеф. Я так и сделаю.

Вернер осторожно затворил за собой дверь.

– Вернемся к делу, сэр... – Урбс невольно понизил голос. – Эта ваша миссия, – не связана ли она с похищением того вещества...

– Тсс! Ни слова об этом.

– Здесь можно говорить совершенно спокойно.

– И все же – ни полслова!

– Тем не менее... Я ведь понимаю, что вы оказались здесь не только из желания повидаться со мною. Вам нужны мои услуги – настолько-то я вас знаю. Но всякая услуга стоит денег, в зависимости от ее важности. Поэтому я хочу знать, в чем суть дела.

– Раньше вы не были таким любопытным.

– Меняются времена и с ними характеры, не так ли? Одним словом, мне нужна откровенность, Берфитт.

– Лишь до известного предела, друг мой. Ради вашего же спокойствия. В конце концов, в данном случае ваше учреждение – не более, чем транспортная контора. Мне нужно перевезти некий груз. У вас же есть необходимые для этого средства. А именно – контейнеры. Я нанимаю их. Арендную, если угодно. Вот и все, что вам следует знать. А вашим людям – и того меньше.

– Собственно, о каких контейнерах идет речь? – На маловыразительном лице Урбса на сей раз легко читалось полное непонимание.

– Вы что, все еще нуждаетесь в объяснении?

– Вам придется сделать это со всеми подробностями. Иначе мы не договоримся.

– А вы стали упрямым, Урбс.

– Иначе не проживешь. И так?

– Не сейчас. И не здесь.

– Я уже сказал вам: тут совершенно безопасно.

– Не уверен. Если этот ваш постоялец оказался тут действительно не случайно, от него можно ожидать всяческих сюрпризов. Я объясню вам, в чем дело, но только тогда и там, когда и где сочту возможным.

– Только не откладывайте в долгий ящик.

– Да вы еще и нетерпеливы!

– Не люблю терять времени зря.

– Слышала бы ты, в чем они тебя подозревают, – едва уловимо проговорил Милов.

– Знаешь, – откликнулась Ева, – мне уже осточертело скрипеть кроватью и сладострастно стонать без всякого на то основания. Это и в самом деле так необходимо?

– Ты даже представить себе не можешь, до какой степени. Ну, соберись с силами: еще совсем немного... Там идет очень интересный разговор.

Он сидел на стуле, у самой стены, куда не доставал взгляд объектива, вмонтированного в качающуюся головку вентилятора. На голове Милова были наушники, провод от которых тянулся к маленькой черной коробочке, лежавшей на столе и в свою очередь соединенной тонким проводом с тем же вентилятором.

– Странное совпадение, да, – пробормотал он снова. – Поистине, вовремя появился здесь мой старый знакомец, весьма авторитетный человек... Что?

В вечернем полумраке, царившем в комнате, он все же заметил, как Ева приложила палец к губам. Милов сорвал наушники.

– Дверь... – Одновременно она указала и рукой. – Кто-то подходил...

– Лежи. Продолжай...

Он подкрался к двери. Резко распахнул. За нею не оказалось никого. Только спланировал на пол листок бумаги, сложенный пополам. Милов поднял его. Развернул. Там было несколько слов по-английски. Он прочел. Покачал головой, посмотрел на Еву. Снова на бумажку. Прочел еще раз, для верности включив ночник. Усмехнулся:

– Интересно. Выходит, что... Но это потом.

– Что это? Надеюсь, не счет?

– Нет, конечно. Это всего лишь... повод для размышлений. А также подтверждение того, что я успел услышать.

– Что-нибудь интересное?

– Самое интересное тут то, что нам надо немедленно уносить отсюда ноги. Мы им очень не понравились. И в первую очередь я. И эту свою неприязнь они намерены выразить в действиях...

Он умолк и, поднявшись со стула, принялся бесшумно отсоединять свою аппаратуру.

– Теперь наша задача – мгновенно собраться.

– Дан!..

– Ну, что поделывать, счастье мое, что ты связалась с таким человеком... Остаться тут нельзя: нас просто убьют. А кроме того... мне померещилась одна мыслишка, и мы незамедлительно попробуем ее подтвердить или, напротив, опровергнуть... Ты одеваешься?

– Зажги, пожалуйста, свет.

– Ни в коем случае! Мы уснули, изможденные любовью, и до утра нас никто не в состоянии будет разбудить. Вот, я нащупал... тут что-то твое. Собирайся, собирайся. В темпе. Впереди не так много темного времени, а до рассвета мы должны успеть...

– Я очень хотела бы успеть выспаться.

– Имею в виду такую перспективу. Но, к сожалению, выполнение этого полезного дела придется отложить на неопределенное время. Ты готова?

– Сейчас...

– Тебе давно не приходилось вылезать из окон?

– Разве что в детстве.

– Значит, недавно. Тем лучше.

– Лыстец!

– Ничего подобного, всего лишь воздаю должное.

– Я готова.

– Прекрасно.

Милов заботливо уложил в сумку свое оборудование. Он понимал, что прослушивание, быть может, следовало бы продолжить – мало ли какие интересные вещи он смог бы еще услышать. Но, в конце концов, сейчас самым разумным было поскорее уносить ноги.

Он стал медленно, по миллиметру, поднимать оконную раму. Осторожно высунул голову. И тут же втянул ее обратно.

– Ах, sheet...

– Что такое?

– Всего лишь сторож – у выхода из патио. А ведь днем он сидел в этой будке, верно? Да, они явно встревожены. Ну что же, придется действовать в соответствии с обстоятельствами. Аккуратно собери сумку. Не забудь время от времени стонать сквозь сон. Я сейчас вернусь.

– Куда же ты?..

Но Милов уже исчез за окном.

– Доктор, хочу выразить вам мое удовольствие: я видел ваших милых ветеранов, и полагаю, что они находятся в прекрасном состоянии.

– Очень рад вашей похвале.

– Однако весьма скоро вам придется начать беспокоить их. Я хочу, чтобы вы приготовились к торакальным операциям на каждом пациенте. А то, чем вы занимались до сих пор – ампутации, резекции – более не актуально, и этим вы заниматься более не будете.

Хирург пожал плечами:

– Мне это представляется бессмысленным. Какие торакальные операции вы имеете в виду? И зачем они? И в чем будут заключаться?

– Вы будете удалять две доли легкого у каждого пациента.

– Но зачем?

– Это я вам объясню по ходу действия. Да вы сами поймете. Одного-двух прооперирую я сам, вы будете ассистировать.

– Ну, если шеф разрешит...

– Я разрешу, – сказал Урбс. – Стимуляторы уже вшиты?

– Естественно.

– Хорошо. Тогда идите и готовьтесь. Это действительно очень важно.

Доктор Курье вздохнул:

– Понимаю, шеф.

– Вот и прекрасно. Иного я не ожидал. Идите.

Берфитт несколько секунд смотрел на закрывшуюся за врачом дверь.

– Может быть, может быть... – пробормотал он негромко.

– О чем это вы?

– Возможно, это и он. А может быть, нет.

– Он – это он, естественно.

Берфитт мотнул головой.

– Я имею в виду: он или кто-то другой помог тому негру сбежать? Я достаточно хорошо разбираюсь в этой технологии, чтобы понять: если тот был обработан по всем правилам, он уже не смог бы даже на горшок сходить без команды. Значит, его не обработали? Пощадили? Кто же? Вы, Урбс, не задумывались об этом?

– Разумеется. Но если он действительно был агентом, то мог быть соответствующим образом предохранен от таких воздействий. Поэтому на него и не подействовало.

– М-да. Безусловно, мог сработать и такой вариант. Ну, что же, тем лучше.

Доктор вышел, сильно озадаченный; быть может, именно поэтому он, пересекая дворик, отделявший гостиничку от собственно Приюта, не заметил, что в этом пространстве находилось на одного человека больше, чем полагалось бы по правилам внутреннего распорядка после заступления на пост ночного охранника.

Прильнув к сухой земле под окном, из которого только что выскользнул, Милов глядел вслед удалявшемуся врачу, обдумывая наилучшее продолжение комбинации. Идти сейчас по двору прямо к сторожу было бы не самым лучшим выходом: двор был освещен, хотя и не бог весть как ярко, тремя лампами, ватт по сто каждая. Одна была над дверью, что вела в гостиничку, другая – над входом, к которому сейчас направлялся врач; за ней, видимо, помещались ветераны со всем их хозяйством. Третья же лампа, как и две предыдущие, в стеклянном колпаке, забранном частой проволочной сеткой, горела над выходом. Она хорошо освещала постового и он был ясно виден, различалось каждое его движение, ему же самому оттуда, из светлого пятна, наверняка происходящее во мраке виделось хуже. И тем не менее, приближаясь к нему, Милов попал бы на достаточно ярко освещенное место, едва успев обогнуть вертолет, то есть, намного раньше, чем приблизился бы на нужную ему (по нынешней его кондиции) дистанцию для атаки. Будь он хотя бы лет на десять помоложе... Однако же – не был, и с этим приходилось считаться.

Эти конкретные мысли заставили Милова, не разгибаясь, на четвереньках, двинуться вдоль стены того строения, из которого он только что вышел. Целью его было добраться до второй двери, за которой секунду назад скрылся врач, двери Приюта; когда доктор входил в нее, в мгновение, пока дверь оставалась открытой, Милов наполовину увидел, наполовину угадал какие-то фигуры за ней – две, самое малое. Может быть, это были отдыхающие ветераны. (Кстати: откуда все-таки взялись эти ветераны, где и против кого воевали и за что удостоились такого внимания каких-то международных альтруистов – это следовало непременно выяснить, но не сейчас, разумеется.) Однако Милов был почему-то совершенно уверен, что

то были не пациенты Приюта, но внутренняя охрана; быть может, полицейский нюх подсказал ему это. Тем правильнее, выходит, было его решение.

Но к той двери, огибая строение по внутреннему его периметру, Милов приближался вовсе не за тем, чтобы прокрасться или ворваться туда. Расчет его был иным: сторож у выхода наверняка своевременно заметит любого приближающегося человека; но опознает далеко не сразу, поскольку человек этот долгое время будет находиться в полумраке. Однако если человек этот будет двигаться со стороны Приюта, где никого постороннего не могло быть по определению, и если пойдет он нормальным, таким безмятежным шагом, то не удостоится такого пристального внимания, какому подвергся бы человек из первого корпуса: отсюда жди начальства или кого-то из постояльцев – и те, и другие требовали повышенной настороженности, хотя и не совсем одинаковой.

Поэтому Милов рассчитывал возникнуть во весь рост около той, второй двери, когда сторож будет смотреть в другую сторону, и потому не сможет сразу сообразить: отворялась ли та дверь перед тем, как во дворе показался некто, или нет. И скорее всего решит, что отворялась; такой вывод будет самым естественным. Однако прежде всего для выполнения такого маневра следовало достичь крыльца и, собравшись в комок, терпеливо выждать. Терпение сейчас становилось самым сильным его оружием.

Он был уже где-то шагах в десяти от крыльца, когда до него донеслись приглушенные голоса из-за той самой двери, к которой он приближался. Милов мгновенно растянулся на земле. Дверь распахнулась, дополнительный свет упал на крыльцо, и в этом свете было видно, как человек вышел, спустился по ступенькам и решительно зашагал к выходу. В руке он нес сумку, похоже, не очень тяжелую, хотя нес он ее весьма осторожно, не размахивая, а держа даже чуть перед собой, не позволяя свободно повиснуть на перекинутом через плечо ремне: похоже, сумка эта содержала что-то хрупкое. Еще когда человек спускался по четырем ступеням, Милов предположил, что это должен был быть Вернер, и что направлялся он к машинам Евы и Милова, что так и остались на ночь на внешнем дворе. Это следовало из подслушанного им разговора, и подтверждалось полученной им неизвестно от кого запиской – писал ее явно профессионал. Если так, то легко было и понять, что этот самый тип нес с собой с такой береженостью. Через минуту предположение перешло в уверенность: сторож окликнул приближавшегося, тот ответил что-то, Милову почудились слова «приказ шефа», но сейчас важнее слова был голос, и Милов опознал его: то был действительно Вернер. И шел он для того, чтобы заложить в машины взрывчатку – этак по килограмму в каждую – и установить таймеры, те самые «часы с кукушкой», что включатся в мгновение, когда будет запущен мотор, и сработают через два часа. Машины и их седоки будут, по предположению здешних хозяев, находиться уже достаточно далеко, чтобы катастрофу кому-нибудь пришлось в голову связать с Приютом Ветеранов. Разумеется, в доме к тому времени не останется никаких следов пребывания постояльцев, и даже следы шин будут тщательно замечены.

Задача Вернера казалась достаточно простой; однако Милову было известно, что справиться с нею тому будет не так-то и легко. Потому что если машина, одолженная Евой, представляла собой и на самом деле лишь обычный «ровер», то джип Милова был устройством совсем иного рода. Он вовсе не был взят на прокатной станции в Порт-Саиде, как значилось в документах; на самом деле то была одна из немногих специально оборудованных полицейских машин, что одолжили ему старые дружки в Хайфе, не только чтобы облегчить его путешествие, но и в расчете на то, что такой старый волк, как Милов, сумеет устроить тележке серьезный экзамен в условиях, какие они у себя дома полностью воспроизвести не могли, а проэкзаменовав, даст полный и нелицеприятный отзыв об ее качествах. Что же касается Порт-Саида, то там были только – опять-таки через людей МОССАДа – оформлены бумаги и номерные знаки. И потому Вернер, безусловно, будет сейчас несколько озадачен: во-первых, столкнувшись с полной невозможностью вскрыть капот и проникнуть в моторный отсек; во-вторых, убедившись,

что точно так же нельзя – без применения лома или хотя бы дрели – попасть и в багажный отсек, потому что он просто не найдет скважины, куда можно вставить ключ; в-третьих, исчерпав все возможности электронного открывания какого угодно замка; и в-четвертых, вызвав такую оглушительную какофонию охранного устройства, которая заставит повскакать на ноги всякое живое существо, обитающее в этих постройках с достаточно тонкими стенами.

Джип этот был рассчитан на невскрываемость, даже стекла были броневыми, а уж угнать его было и вовсе невозможно, потому что настроен он был только на одного водителя – именно на Милова, а как перенастроить анализатор машины, опять-таки кроме Милова никто не знал. Конечно, и эту машину можно было взорвать или, скажем, расстрелять в упор хотя бы противотанковой гранатой. Но установить в ней соответствующее устройство было невозможно: разве что прилепить пластик к днищу и вставить запал для управляемого взрыва. Однако все внешние поверхности автомобиля были обработаны такой физикой и химией, что самая хваткая взрывчатка отвалилась бы после первого же деликатного толчка. А на наличие радиозапала джип отреагировал бы мгновенно, как и на любое другое электронное устройство, оказавшееся ближе пятидесяти сантиметров к кузову. Такие машины были сконструированы и строились для борьбы не с контрабандой, но с террористами; однако чем дальше, тем больше два эти рода деятельности срастались воедино.

Так что за машину Милов мог вроде бы и не бояться, и в то же время именно она сейчас стала внушать ему наибольшие опасения. И не потому даже, что, столкнувшись с неожиданным техническим уровнем заурядного транспортного средства, обитатели Приюта заподозрят Милова. Это они и так сделали, хотя опознал его человек, чьи пути некогда пересекались с его орбитой, по чистой случайности. Худо было другое: машина и на самом деле взвзывает, поднимет всех на ноги, начнется суэта, хватятся его и Евы – и найдут, естественно, потому что именно этот аврал помешает им ускользнуть незамеченными. Потом такой возможности, скорее всего, больше не представится: разом, как всегда в экваториальных областях, взлетит солнце – и пиши пропало.

Что остается делать в ситуации, в которой начинает действовать обстоятельство, тобою неконтролируемое и тебе мешающее? Прежде всего попытаться устранить его; в случае неудачи постараться использовать в своих интересах: перевербовать, так сказать, чтобы оно стало работать на тебя, фактически сохраняя свою прежнюю, неизменную сущность.

Обстоятельством этим сейчас был звуковой сигнал сторожа на его же, Милова, машине. Неизбежно включившись при посторонней попытке воздействовать на джип, сигнал помешал бы Милову в выполнении плана бегства. Значит, следовало устранить его.

Способ такой был, и средство было, и находилось оно не где-нибудь, а в кармане у Милова и являлось электронным ключом к машине, настроенным тоже на его собственные параметры. Им можно было отключить любую из функций автомобиля; но сделать это можно было лишь находясь не далее пятнадцати метров от него, при условии, что человека и машину не разделял никакой экран. Ключ этот внешне не был похож на обычную маленькую коробочку, скорее он напоминал дистанционный пульт управления телевизором с шестью десятками каналов. Однако чтобы пустить его в ход, надо было перебраться из внутреннего патио на внешний двор и приблизиться к машине на нужное расстояние. В конце концов, именно это Милов и собирался сделать; однако теперь обстоятельства заставили его спешить и действовать более рискованно.

Тренированный рассудок Милова проделал все эти умозаключения и выдал нужный ответ не более, чем за две минуты. Вернер, по его расчетам, должен был начать с ближайшей; ближайшим был, как Милову помнилось, «ровер». Там не будет никаких сложностей: Вернер вскроет машину, установит аппаратуру и подсоединит провода, ну, минут, скажем, за пять. Идти до машины – минута. Значит, изначально Милов располагал шестью минутами. Из которых истекает уже третья. Ждать больше нельзя.

Он глядел на сторожа. Тот, не снимая рук с автомата (наш, АК десантный, – определил Милов еще издалека), работал головой, как локатором: полуоборот влево – полуоборот вправо, и снова, и опять. Две-три секунды вглядывается в один угол патио, потом пробегает взглядом по окнам, из которых в гостиничной постройке светится лишь одно; надо полагать, помещение, в котором находятся двое, выходит окном именно на внутренний двор; это и хорошо, и плохо, но скорее все-таки хорошо: они не смогут из окна увидеть возню у машин. Две-три секунды сторож глядит в другой угол – и все сначала.

Так; а между прочим, дверь Приюта скрипела, когда ее отворяли. Едва слышно, но скрипнула, а в этой тишине звук разносится хорошо. Милов, у тебя со звукоподражанием вроде бы успешно? Вот и давай, воспользуйся данным свыше талантом...

Он сделал все одновременно, когда часовой устремил взгляд в противоположную сторону: встал во весь рост, поднялся на вторую ступеньку крыльца, издал звук, который даже знаток принял бы за скрип плохо смазанной дверной петли, и зашагал, не скрываясь, свободно размахивая руками, прямо к охраннику.

Тот и услышал, и увидел, шевельнул было автоматом, но тут же вернул его в первоначальное положение: похоже, появление Милова в первое мгновение не вызвало никаких подозрений.

Приближаясь, Милов вытащил из кармана листок бумаги; он сам не помнил, что это за листок и как он к нему попал, да сейчас это и не было важно. Он помахал листком, словно белым флагом, и вытянул руку, словно стремясь поскорее передать послание адресату. Им мог быть как сторож, так и вышедший из периметра Вернер, что было еще вероятнее. Так или иначе, клочок бумаги был как бы пропуском и оправданием. Страж у ворот так, вероятно, его и воспринял и потому позволил Милову приблизиться на расстояние примерно трех метров, когда стало уже различимо лицо в свете наддверной лампы. Лицо, надо полагать, показалось часовому незнакомым, и брови его непроизвольно поползли вверх, к густой щетке светлых коротких волос, а ствол автомата дрогнул и словно бы нерешительно стал поворачиваться в сторону подходящего.

Так-то оно так, но флажок предохранителя ясно показал Милову, что автомат к мгновенной стрельбе не готов. А три метра были уже вполне преодолимым расстоянием. А кроме того, стрелять мало – надо еще и попасть. Впрочем, Милов никак не хотел озвучить немые кадры происходящего.

Когда трехметровая дистанция была преодолена и сторож готовился уже громко окликнуть подошедшего, Милову не повезло. Глядя часовому в глаза, он не обращал внимания на неровный грунт, по которому шагал. И то ли виною была какая-то неровность почвы, то ли просто он споткнулся, как говорится, на ровном месте – так или иначе, он упал и, видимо, болезненно, судя по тому, что сквозь зубы у него вырвался короткий стон. Однако он тут же повернулся набок, приподнялся, опираясь на левую руку, а правой по-прежнему протягивал на мгновение растерявшемуся сторожу все ту же бумагу. Совершенно естественным движением тот шагнул вперед и склонился, тоже протягивая руку – левую, естественно, – чтобы перехватить послание, а может быть даже помочь упавшему подняться: в лежащем человеке редко видят серьезного противника.

В следующее мгновение рука Милова, выпустив бумажонку, мертвой хваткой стиснула кисть сторожа и рванула на себя. Одновременно нога ударила склонившегося под колено, и тот рухнул туда, где еще мгновение назад лежал Милов. Еще удар – на этот раз по голове – и охранник лишился сознания, надо полагать, надолго. Впрочем, для верности Милов тут же обеззвучил его, применив для кляпа носовой платок, свой собственный, лишенный, однако, каких-либо характерных признаков.

Следующим его движением было сорвать с выведенного из строя противника автомат – чтобы обезоружить его и вооружиться самому. Дело сделалось. Теперь нельзя было терять ни секунды.

Он проскользнул в зеркальный тамбур, оттуда осторожно выглянул через внешнюю дверь. Вернер действовал медленнее, чем думалось Милову: он все еще копался в открытом моторном отсеке «ровера». Это давало беглецу возможность изменить намеченный было план. Вместо того, чтобы сразу выйти во внешний двор, он вернулся в тамбур, оттуда выскользнул в патио. Огляделся. Все было спокойно, окно номера Евы, через которое он вылез, оставалось отворенным. На этот раз Милов пересек двор напрямик, длинными скачками. Грудью лег на подоконник.

– Ева?

Она отозвалась через секунду-другую:

– Дан, это ты?

– Собственной персоной. Где ты?

– Я... я спряталась.

– Вылезай. Быстрее! Давай сумки. Мою, потом твою...

Он принял и ту, и другую, бережно опустил на землю.

– Теперь сама!

Ева не заставила себя упрашивать: видно, с возвращением Милова страх ее испарился. Ногами вперед она выскользнула из окна. Риска не было никакого: подоконник отстоял от земли примерно на метр двадцать, у гостинички не было крыльца, как у Приюта. Но на всякий случай Милов все же подхватил ее. Обнял, прижал – и тут же выпустил.

– Держись за мной. Не отставай. У нас еще пара минут в запасе...

Так же, по прямой, они, теперь уже вдвоем, пересекли двор. Охранник лежал все в той же позе.

– Помоги, Ева. Надо занести его в тамбур, чтобы не бросился в глаза, если кто-нибудь выглянет из окна...

Они перенесли пострадавшего не без труда: охранник был тяжеловат. И в тамбуре еле разместился. Но то были уже его проблемы.

– Пока оставайся здесь, – сказал Милов, когда они вошли во внешнее помещение с конторкой для регистрации. – Выйдешь, когда позову.

– А если кто-нибудь войдет?

– Снаружи вряд ли, об этом уж я позабочусь.

– А если со двора, оттуда?

– У тебя же есть пистолет?

– Он такой маленький...

– В такой тесноте не промахнешься и из маленького.

– Но, Дан... Нужно ли это?

– Всего лишь самооборона, подружка. Если нас схватят, мы не доживем и до света. Хотя до него осталось не так уж много. Иду. Будь внимательна.

Он не видел в темноте, но знал, что она кивнула.

Наружная дверь, к счастью, не скрипела; Милов, приотворив ее, протиснулся, остановился, прижавшись к стене. Здесь было темнее: это пространство не освещалось. Небо было чистым и черным, и звезды, наверное, отражались бы в полировке машин, не будь обе они так запыленными. Секунд десять Милов постоял, привыкая. Похоже, что Вернер закончил наконец снаряжать «ровер» и только что перешел к джипу. Милов почти бегом подкрался поближе. Вытянул руку с заранее подготовленным электронным ключом. Палец лежал на нужной кнопке. Он нажал. В машине коротко, тонко щелкнуло. Милов облегченно вздохнул: зву-

ковой сигнал сторожа отключился. Но звук был услышан и Вернером; тот застыл. Прошло не менее минуты, прежде чем он решился продолжить свое дело.

Милов совсем освоился с мраком, и теперь видел, как Вернер возился около левой дверцы, все стараясь куда-нибудь воткнуть ключ, шаря и не понимая, почему так и не находит замочной скважины. Милов улыбнулся. Ему пришла в голову мысль немного порезвиться; к тому же, отделаться от Вернера все равно было надо. Милов снова прицелился ключом, нажал кнопку – на этот раз другую. Коротко – не дольше секунды – пел стартер, потом мотор заработал на малых оборотах; отрегулирован он был прекрасно, недаром Милову еще в Хайфе говорили, что ему если и придется поднимать крышку капота, то разве что по требованию таможенников, а мотор этот той породы, что может прекрасно обойтись и без людей.

Когда мотор заработал, Вернер мгновенно отпрыгнул метра на два с лишним – испугался. И естественно: всякий, или почти всякий струхнет, когда в пустой машине вдруг сам по себе срабатывает стартер и заводится движок. Вернер и Милов ждали дальнейшего. С машиной более ничего угрожающего не происходило, и Вернер, наконец, решился. Он вновь приблизился к джипу. Постоял перед ним. Влез на передний бампер, решив, по-видимому, начать с моторного отсека. Милов только того и ждал. Одна кнопка. Другая. Сначала включилась коробка, потом акселератор. Машина двинулась вперед. Не удержавший равновесия Вернер распластался на крышке капота. Милов плавно жал клавишу: «Десять миль скорость; пока хватит. Еще, еще дальше. Что он там – поворачивается на бок? Газанем... На сколько уже они отъехали – метров на пятьдесят? Прекрасно...»

Вернер все же справился со страхом и стоял теперь на коленях, руками придерживаясь за трубки верхнего багажника. Вот он распрямился. «Ну-ка, напугаем его еще разок...» Из двух рулевых клавиш Милов нажал левую, и машина резко рыскнула, входя в крутой поворот. Не ожидавший этого Вернер не устоял; ноги его сорвались, секунду он, не разжимая пальцев, проволочился рядом с машиной, потом, догадавшись, отпустил багажник, совсем отделяясь от взбесившегося транспортного средства. Перекатился. Вскочил и, не раздумывая, бросился бежать к Приюту. «Нет, побегай еще», – процедил Милов. Повинуясь его командам, джип сделал правый поворот и стал догонять Вернера. Оглянувшись на звук мотора, тот понял. Свернул. Машина отсекла ему кратчайший путь ко входу. Он бросился вправо: возможно, где-то был еще один вход во внутренний двор. Почему-то Вернер не кричал, не звал на помощь – быть может, не позволяла гордость или же рассчитывал выпутаться из неприятности сам.

Вернер бежал зигзагами, как корабль, уклоняющийся от атаки подводной лодки. «Выпустить его? – Милов непроизвольно покачал головой. – Лучше временно обезвредить». Он быстро рассчитал. Теперь джип перекрывал бегущему все пути отступления, кроме одного единственного направления, и оно вело к Милову, все еще стоявшему прижавшись к стене – только рука с пультом двигалась. Вернер его не видел. Поравнялся. Милов нажал последнюю клавишу – тормозную – уже левой рукой, правой же, с шагом вперед, нанес удар сбоку, по шее. Не такой, чтобы убить: лишние смерти ни к чему. Тем не менее, Вернер рухнул. Милов наклонился к нему, его же ремнем связал ноги, обшарил карманы – в одном нашел наручники, целых два комплекта; видимо, они тут нужны были при общении с ветеранами? «Ладно, потом разберемся...» пару наручников Милов сунул себе в карман: как знать, могут и пригодиться, выбросить-то можно всегда... Подошел к «роверу». Сумка Вернера, раскрытая, стояла рядом, вторую адскую машину он так и не успел вынуть, первая же, надо полагать, уже была при деле. На секунду Милов решил было оставить все, как есть, но тут же раздумал: машина чужая, не стоит наносить кому-то убыток, тем более Евиной подруге. Осторожно открыл капот, нашел лишние провода – подкапотная лампочка светила, – отсоединил, потом отыскал и «кукушку», и размазанную по лонжерону взрывчатку, все это вернул в сумку, из которой устройство появилось, и сумку, подумав, тоже решил прихватить.

Джип стоял на холостом ходу. Командуя, Милов подогнал его поближе – к самой двери. И только теперь, отворив дверь, позвал Еву и сам вошел, чтобы вытащить сумки.

– Садимся – каждый в свою. Хорошо бы побыстрее. Ну, поехали.

– Вот прямо так, в темноте?

Он усмехнулся.

– При свете нас быстрее поймают. Держись за мной аккуратно, дальнего света не включай.

Где-то через километр Ева остановила его короткими, как бы сдавленными гудками клаксона. Подбежала.

– Ну, что стряслось, маленькая?

– Боюсь, ты ошибся в темноте. Это не та дорога.

– Не волнуйся. Та самая.

– Мы же говорили: поедem на юг, чтобы объехать Майруби, и потом до Нонбасы. А ты рулишь на север.

– Все правильно. Они внимательно выслушали все, что касалось нашего маршрута. Если нас попытаются перехватить, то вернее всего на южной дороге. А мы поедem по северной.

– Но тогда нам не удастся миновать Майруби!

– Конечно. Как раз туда мы и поедem.

– Однако в Нонбасе...

– В Нонбасе они смогут ждать нас до второго пришествия. Мы туда так и не доедем.

– Где же мы окажемся?

– В аэропорту Майруби. Там и закончится наша встреча. Ты сядешь на свой самолет, я тоже буду заканчивать свои дела...

– Это очень печально, Дан.

– погоди, единственная моя. Не грусти раньше времени. Мы еще не в Майруби, и ехать туда достаточно далеко, да к тому же по дороге нам, вероятнее всего, придется задержаться тут, неподалеку.

– Зачем?

– Да так, есть некоторые соображения...

* * *

– Мне слышалось, может быть... – проговорил Урбс. – Там, снаружи...

– В самом деле? Надеюсь, ваши гости мирно спят. Включите...

С минуту они напряженно вслушивались.

– Не слышно никакого дыхания...

– Похоже на то... Урбс, возьмите пару охранников и проверьте. Если они заперлись изнутри – взломайте. Нельзя рисковать...

Урбс вернулся через пять минут.

– Так и есть. Они бежали.

– Надеюсь, Вернер успел оборудовать их машины. Найдите его и выясните. И в любом случае возьмите след и организуйте погоню. Такую, чтобы они не ушли. Никуда, кроме того света.

– Да, несомненно, ничего другого нам не остается.

Отъехав километров на десять, Милов остановил джип. Ева послушно затормозила, едва не уткнувшись в задний бампер лидера.

– Ты ехала по этой дороге, верно?

– Да, по этой самой. Да и тут нет другой.

– Понятно. А не можешь припомнить – приблизительно, конечно, – в каком месте по тебе стреляли?

Ева медленно окинула взглядом дорогу.

– О, это не здесь. Помню: вскоре после того лес отступил от дороги, а здесь он видишь, как далеко. Надо проехать еще вперед.

– Объезжай меня и поезжай первой. Как только тебе покажется, что узнала место, остановись.

– Ты что, считаешь найти тех, кто стрелял?

– В чудеса я не верю. Но что-нибудь, если повезет, все-таки можем отыскать.

Ева пожала плечами:

– Будь по-твоему.

Вернулась к машине и первой тронулась с места.

Стоп-сигналы ее «ровера» часто замигали еще через шесть километров. Машина съехала на обочину и остановилась.

– Где-то здесь, – сказала она.

Милов вылез. Осмотрелся. Увидеть что-либо в лесу было бы затруднительно. Но он и не смотрел на лес. Глаза его были обращены к небу. Он даже влез на крышу своей машины – возможно, для того, чтобы оказаться поближе к небосводу.

– Ты что, думаешь, у них есть вертолет?

– Нет. Хотя и не удивился бы. Я ищу... Ищу... Ага, кажется... Ева, у меня в сумке бинокль... Не сочти за труд...

Она подала ему требуемый прибор не сразу.

– Дан, чего только нет в твоей сумке! И зачем ты таскаешь с собой всю эту механику? В отпуск?

– Да так, знаешь, привычка, без таких безделушек я чувствую себя как-то неуютно – словно вышел на улицу без брюк.

– Ну, знаешь ли, это, по-моему, далеко не одно и то же...

– Могу предложить другое сравнение, – Милов говорил как-то рассеянно, высоко задрав прижатый к глазам бинокль и плавно, водя полукругами, опуская его все ниже. – Хотя бы... вообрази себя в операционной в пальто и уличных сапогах... Ага! Вот они. Так и думал...

– Все-таки вертолет?

– Нет, к счастью.

– Что еще можно увидеть в небе?

– Грифов, моя нежная. Стервятников.

– Зачем они тебе? Такая гадость...

– Всякая гадость на что-нибудь, да годится. Твой компас далеко?

– Вот он.

– Давай сюда. Надо взять азимут.

Так он и сделал. И сразу же спрыгнул с машины.

– Черти бы взяли...

– Что случилось? Ты увидел что-то опасное?

– Да нет... Просто в моем возрасте надо не прыгать с крыши, а осторожно, спокойно слезать. Вечно забываю об этом. Ну, садись. Поедем. Я – первым.

– Дальше по дороге, я надеюсь?

– Увы, придется тебя огорчить. Будем пробираться лесом. По азимуту.

– Дан! Здесь и на мотоцикле не пробраться!

– Это я и сам знаю. Но вон до тех деревьев добраться сможем, думаю.

– Ну, а потом?

– Там придется оставить машины. По возможности замаскировать. И уничтожить следы.
А дальше – пешком.

Ева вздохнула.

– И далеко?

– Думаю, не более восьми-десяти километров.

– На это уйдет полдня. И в конце концов мы попадем в болото. Ты же помнишь карту: там, восточнее – сплошные болота.

– На них-то я и рассчитываю. Только там он мог укрыться. Если повезет, мы его найдем.

– Кого?

– Я еще и сам не знаю...

– Вот здесь они свернули, инженер!

– Вижу. Поворачивайте за ними, – скомандовал Вернер.

Две машины Приюта проехали еще несколько десятков метров.

– Они могут устроить засаду.

– Вдвоем? Нет, им не до того. Однако шеф был прав: у них было назначено свидание с нашим беглецом.

– Инженер, там, впереди... В кустарнике. Там что-то...

– Да. Похоже, машины. Пусть три человека осмотрят.

Посланные вскоре вернулись.

– Машины пусты и заперты.

– Ясно. Следы людей?

– Тут такая почва, инженер...

– Понятно. Что ж, разыскать их в лесу нам вряд ли удастся. Будем ждать здесь. Машинами перегорим дорогу. Всем залечь. Но не слишком близко от машин: быть может, они не нашли и не обезвредили... Тогда в скором будущем здесь будет большой фейерверк. Если они к рассвету не появятся, будем искать следы. По лесу они никуда не уйдут – им некуда деваться. Возьмем всех троих!

Они нашли его через шесть часов, и то каким-то чудом. Помогли, в конечном итоге, те же стервятники – они опускались все ниже и в конце концов стали садиться на деревья, образуя не очень широкое кольцо. В середине этого кольца Милов с Евой и отыскивали чернокожего беглеца – еще живого, но, как сказала с грустью Ева, закончив осмотр, живого ненадолго.

– Он потерял столько крови... Удивляюсь, что он еще жив.

– Куда его?

– Две огнестрельных раны. Обе сквозных. Правое плечо и правое легкое.

– Он может еще прийти в сознание?

– Если бы мы находились в клинике... Но у нас же ничего нет. Я просто не в состоянии сделать хоть что-нибудь...

И Ева неожиданно заплакала.

– Ну, доктор, доктор!..

– Да, я врач, но не судебно-медицинский эксперт!

– Я понимаю. Ничего не поделаешь, приходится видеть и такое. Ты осмотрела его внимательно?

– Насколько это тут возможно...

– Кроме ран, что-нибудь еще?..

– Небольшой шов на груди. Очень профессиональный. Такие... такие накладывают, если проникали в грудную клетку – вернее, только под кожу, чтобы вшить, ну, скажем, сердечный стимулятор.

– Он похож на сердечника?

– Сейчас этого сказать уже нельзя. Но по общему впечатлению, вряд ли. Здоровый парень. Да и кто бы поставил ему стимулятор здесь, в этих дебрях? Хотя в Приюте, может быть, есть соответствующее оборудование. Ты ведь говорил, что врач там был. Ну да, я хорошо помню: мне еще захотелось встретиться с ним, поболтать на профессиональные темы...

– Скажи спасибо, что не встретила. Стимулятор? Интересно... Да, действительно, очень интересно. Погоди-ка, дай я осмотрю его сам.

– Не знала, что ты еще и врач... Поддай, пожалуйста, мою сумку – подложим ему под голову. Он задыхается.

– Не приходит в сознание?

– Нет.

– Подвинься, пожалуйста... Или лучше посмотри пока, что в том мешке. – Милов кивком головы указал на лежавший рядом с раненым синий полиэтиленовый мешок. – А я попробую...

Из своей пресловутой сумки он вытащил очередной приборчик. И начал водить им над телом раненого – от макушки до пяток, затем снизу вверх и опять сверху вниз...

– Ага!

– Что там? – тут же откликнулась Ева.

– Потом, потом... О черт! А это что?

– Да объясни ты! О! Дан! Смотри!

– Что с тобой?

Ева медленно пятилась от развязанного мешка.

– Посмотри – там... Конечности... Кисти, стопы... А вот это – доли легкого... Да, именно так.

– Дьявол!

– Дан, может быть, он – людоед?

– Не думаю. Осмотри-ка эти... останки внимательно. Что можно сказать о них?

Через несколько минут Ева медленно проговорила:

– Пока могу сказать лишь одно: все это удалено профессионально. Не отрублено, не отрезано кое-как. Резецировано по всем правилам.

– Давно?

– Если бы давно, останки бы уже крепко пахли в этом климате. Похоже, их не замораживали... Зачем он унес их? Чтобы похоронить? Придется нам сделать это вместо него.

– Ни в коем случае. Наоборот. Их необходимо доставить в полицию. В Майруби хотя бы. Великолепно было бы, конечно, отвезти и этого раненого в клинику, но я не представляю себе, как мы его потащим по лесу. Боюсь, он не выдержит – умрет.

– Не бойся, – сказала Ева негромко.

– Думаешь – выдержит?

– Теперь он выдержит все, что угодно.

– Умер?

– Да.

– Жаль.

– Надеюсь, хоть его мы предадим земле?

– Черт, была бы лопата... Придется ножом.

– И руками.

– Ладно. Давай. Но побыстрее.

– Мы спешим на самолет?

– Нет, пожалуй. Но привычки грифов известны не только нам. И человека этого ищут и другие. И его, и этот мешок. Мне очень не хотелось бы встречаться с ними.

– Не забудь, все это сохранится считанные часы; потом появятся черви.

– В джипе есть холодильник. Ну, за работу. Боюсь, что у нас уже не осталось времени. Но уж очень не хочется доставлять удовольствие милым птичкам... И эти... преследователи пусть найдут его не сразу. Каждый лишний час – наш выигрыш. Копай, копай...

– Я и так копаю. Постой. А ты что там делаешь?

– Выступаю в несвойственной мне роли дантиста.

– Дан! Ты и в самом деле хочешь вырвать зуб? Да что ты в этом понимаешь! Это похоже на надругательство...

– Ровно настолько, насколько понимаю, я его и вырву. А ты лучше не гляди. Это очень непрофессионально.

– Может быть... может быть, все-таки лучше я?

– Нет. Продолжай рыть могилу.

– А что я делаю? Но может быть, пока мы роем, ты объяснишь – что такого ты обнаружил в его рту, чего не заметила я? И что заставило тебя кромсать его челюсть?

– Вот этот вот зуб. Ты видишь, он искусственный. Кстати, такой же есть и у меня. Посмотри внимательно. Хотя бы потому, что это не просто зуб.

– Не может быть. Покажи-ка... М-да, и в самом деле, похоже, но не то... А ты знаешь, что это?

– Знаю. А теперь, пожалуйста, со всем твоим докторским умением извлеки мне этот самый сердечный стимулятор.

– Да зачем он тебе? Дома я достану тебе десяток, если у вас в России их не хватает.

– Мне нужен именно этот.

Ева, бросив копать, тщательно вытерла руки платком.

– Слушай, но у меня же нет инструмента.

– Вот тебе нож. Не бойся, ему не будет больно.

Ева принялась за дело.

– Слушай... Но он совсем не так установлен: проводки идут не к сердцу, а...

– Ты права, не к сердцу. Если это стимулятор, то не сердечной деятельности.

– Ты можешь объяснить все это?

– Об этом позволь мне пока умолчать.

– Ну, если это такой уж секрет, что даже мне нельзя...

– Не обижайся, родная. Это служба. Служебная тайна. Ее так же нельзя разглашать, как и врачебную. Не дуйся.

– Надулась бы, но я слишком устала даже для этого... Так или иначе, я больше не стану задавать тебе вопросов.

– Молодец. В награду – знаешь, что?

– Интересно будет услышать.

– Скорее всего, ты попадешь к себе домой раньше, чем я – к себе.

– Думаешь?

– Так вот, возьми эту штуку, стимулятор, с собой. Покажи там людям, смыслящим в электронике. И попроси их объяснить тебе, что это такое на самом деле.

– И что мне предпринять, когда они объяснят?

– Ждать моего звонка. И если он состоится, подробно передать мне все, что они скажут.

– Хорошо. А зуб?

Милов покачал головой:

– Не нужно. В этом я уже разобрался.

– Больше никаких вопросов.

Но она все же задала еще один вопрос – через пять часов примерно.

– Дан... Ты о'кей?

Несколько секунд слышалось лишь тяжелое дыхание. Потом возникли слова:

– Ничего... легкая царапина.

Ева поползла на голос. Подниматься было нельзя: наверняка срезали бы. Здесь их настигли никак не любители. Опрокинутый взрывом «ровер» Евы валялся вверх колесами метрах в тридцати. Он догорал. Ева мельком подумала, что подруга обидится. Но сейчас это показалось ей совершенно неважным. Джип, как ни странно, уцелел: наверное, потому, что его прикрывал толстый ствол дерева, за которым они замаскировались – думали, что замаскировались – машины. Оттуда Милов редкими, короткими очередями позаимствованного в Приюте автомата прижимал нападавших к земле. Их, похоже, было не очень много, на операцию по окружению не хватало; собака была одна, она сейчас лежала на полпути между дорогой и деревом – бесформенный серый комок...

– Сейчас буду рядом. Куда тебя?

– Не имеет значения. Я готов. Слушай... Подползешь ко мне, хватай мешок, ползи к машине и постарайся залезть в нее, как можно меньше подставляясь. Как только залезешь, крикни, я – за тобой, и попытаемся вырваться. Дверцу я уже отпер отсюда.

– А может быть...

– Ничего не может быть. У меня кончаются патроны. И они, в общем, понимают, что припасов у меня – не вагон. Единственный шанс – пробиться с помощью машины.

– Но они перегородили дорогу...

– Ну, эта их колымага нас не удержит, надеюсь. Да все равно, иного не дано. Давай. И не бойся. Стреляют они, честно говоря, не по-снайперски. Иначе...

– Хорошо. Ты уверен, что тебя не надо перевязать?

– Потом. Когда оторвемся. Ползи.

– Ползу.

Было одно мгновение, когда Милов по-настоящему испугался: когда он на скорости сталкивался загородивший дорогу старый «шевроле» со своего пути, и джип вдруг встал на правые колеса. Милов не знал, как ведет себя в таких случаях высоко сидящая машина, и ему почудилось, что в следующий миг последует кувырок, и тогда их возьмут голыми руками – если они останутся живы, конечно. Возможно, если бы машину вел один только Милов, так и получилось бы, но сработал компьютер, и машина прокатила метров пятьдесят велосипедным способом. Оставшиеся в живых преследователи (по прикидке Милова – двое) не ожидали, видимо, такого фортеля, и спохватились стрелять тогда, когда в этом большого смысла уже не было.

Еще через полчаса они остановились, перевязали царапину Милова – для очистки совести, потому что кровь уже не шла, на нем все кровоподтеки, царапины и порезы заживали очень быстро как бы сами собой – такой состав крови был, видимо. Ева чудом оказалась невредимой, только ободрала коленки, когда ползла, зато устала донельзя; что ни говори, была она не самой первой молодости, да и профессия не требовала от нее постоянной заботы о своей спортивной форме. Конечно, она и на корт ходила, и плавала, и бегала, но это так, для тонуса, а не для повседневной готовности к схватке. Милов же и сейчас, в отставке, содержал себя строго, потому что отлично знал: стоит ослабить вожжи – и сразу в дверь постучится старость, не календарная, возрастная, а настоящая, необратимая, которая и есть самая смертельная болезнь. Коленки Евы пришлось протереть чистым виски, ничего другого не было, йод из аптечки весь ушел на миловскую отметину – Ева настояла. Когда все это закончили, Милов сказал:

– Теперь изволь как-нибудь устроиться на заднем сиденье – отдыхай.

– Может быть, найдем местечко поукромнее, и оба...

– От нас только этого и ждут. И укромных мест для нас тут нет.

– Ты думаешь, дорога дальше свободна?

– Не верится. Теперь они знают, что мы на северной дороге, но куда двинем дальше, скорее всего, сомневаются: вчерашний наш разговор, я надеюсь, они и сейчас держат за чистую монету. Могут предположить, что мы оказались на севере, чтобы найти того парня, а потом двинемся по намеченному маршруту – в Нонбасу. Но, конечно, и эту дорогу подстрахуют.

– Что же нам останется делать?

– То, что мы сейчас и начнем выполнять. Ты – отдыхать. А я поведу джип. Но не на север. И не на юг.

– Не понимаю. Куда же?

– На восток.

– Такой дороги нет.

– Значит, придется обойтись без нее. Сейчас дождей нет, грунт держит. В Кибунго попытаемся заправиться. Если там бензина нет, машину придется оставить – не под открытым небом, разумеется. Потом ее заберет полиция – вместе с холодильником и этими... образчиками. А уж из полиции настоящие владельцы ее выцарапают. Тем более, что забраться в нее никто чужой не сможет.

– А мы?

– Мы при таком раскладе постараемся форсировать озеро Виктория – думаю, нанять рыбака сможем, – доплывем до Маколдерс-Майн. Оттуда до Майруби большой дороги нет, но какие-нибудь наверняка есть. Доберемся.

– Отпуск... – вздохнула Ева.

– А чем тебе не отпуск? Столько приключений – хватит воспоминаний до конца жизни. Внукам будешь рассказывать.

– Если ты будешь вести себя со мной так, как в эти дни, – сухо проговорила Ева, – то внуков ждать мне будет не от кого. Откровенно говоря, я ожидала несколько иного.

– Да и я тоже, ты прекрасно знаешь. Ладно. Доберемся до Майруби – заляжем дня на три в каком-нибудь отеле.

– До Майруби еще надо добраться, – возразила Ева. – А здесь такие прелестные зеленые места... И сухая погода... И, в конце концов, у нас пока еще есть эта машина. Не «Шератон», конечно, но при известных навыках...

– Ты несколько изменила свои взгляды на жизнь, – улыбнулся он.

– Из-за этих самых приключений. Я вдруг поняла, что ожидаемого будущего у меня может и не быть. И то, что хочешь сделать, не надо откладывать на потом.

– Только отъедем подальше от дороги, – сказал Милов. – Хотя это и Африка, но приличия соблюдать все же следует.

– Не знала, – сказала Ева, – что ты такой педант и формалист!

Глава третья

«Таймс оф Индия», вторая полоса:

«Как заявил нашему корреспонденту высокопоставленный представитель Министерства внутренних дел, ведется широкая проверка всех средств воздушного транспорта, прибывших в Индию на протяжении последних четырех дней (иными словами, после нападения на лабораторию «Братья Симс» в Африке, которое подробно освещалось в нашей газете). Все до сих пор проверенные самолеты – это можно утверждать со всей определенностью – не имеют никакого отношения к совершившемуся преступлению, их владельцы, а также обслуживающий персонал – вне подозрений. Пока не найдены еще три самолета, пересекшие в эти дни воздушную границу страны; при этом есть основания предполагать, что они связаны с сепаратистским движением в Кашмире и занимаются перевозкой оружия и боеприпасов для кашмирских боевиков и террористов. Представляется, однако, маловероятным, что эти машины могут быть замешаны в деле о похищении «матовых алмазов» хотя бы потому, что кашмирские сепаратисты весьма далеки от обладания ядерным оружием.

На вопрос нашего корреспондента, не рассматривается ли в министерстве такая возможность: ценный материал похищен для того, чтобы продать его более заинтересованным странам и вырученные деньги использовать для закупки вооружений, представитель министерства ответил, что совершенно исключить такую версию нельзя, однако он не располагает какими-либо конкретными сведениями по этому вопросу.

Таким образом, вопрос о возможном нахождении бета-углерода на территории Индии пока остается открытым. Нам, однако, представляется куда более возможным, что стратегический материал был переправлен в Пакистан, чьи захватнические планы давно и хорошо известны».

В Лондоне, в малоприметном доме на узкой Харви-стрит, Докинг, негромко постучавшись, вошел к Фэрклоту.

- Потери, сэр.
- Кто доложил?
- Спутниковое слежение. Восемьдесят седьмой погас.
- Это... помнится, в Африке.
- В Раинде.
- Его звали...
- Томпсон Одинга, сэр.
- Да, помню. Значит, его раскрыли.
- Не обязательно. Мог быть и просто несчастный случай. Тропические леса... Мало ли что.
- Он успел дать информацию?
- Странную. Что напал на след, совершенно неожиданный, он даже сказал – неправдоподобный, но не было условий для продолжительной связи. Что он, по-вашему, имел в виду?
- Однако, хоть что-то членораздельное он успел сказать?
- Он начал говорить, успел произнести: «Приют Ветеранов», и тут же передача прервалась.

– Приют Ветеранов? – медленно повторил Фэрклот. – Вот, значит, как.

– Да, сэр. Раинда, северо-восток, на самой границе с заповедником Кагера. Мы когда-то интересовались этим районом. Но безрезультатно. Все так и осталось на уровне подозрений.

– Знаю, знаю. Очень печально, Докинг. Я надеялся на него. Его предметом была контрабанда тканей. Мы перехватили информацию, позволявшую предположить...

Он не закончил. Докинг проговорил:

– Если туда все равно придется послать кого-то, то, возможно, вы сочли бы возможным поручить этот поиск мне? Вы знаете, сэр, что проблема контрабанды тканей интересует меня с момента ее возникновения.

Фэрклот кивнул.

– Разумеется, Докинг. Я знаю, что вы немного – не обижайтесь, пожалуйста, помешались на идее о контрабандном провозе человеческих органов для трансплантаций. Поэтому и выбрал вас. Но в Африку я вас не пошлю. Или, во всяком случае, не сразу.

Докинг едва уловимо вздохнул.

– Я слушаю вас, сэр.

– Мне стало известно, что Берфитт появился... Где бы вы думали? Вы ведь не забыли Берфитта, Докинг?

– Разумеется, я помню, сэр. Но мне казалось, что он уже несколько лет как отстранился от всякой деятельности такого рода.

– Возможно, и отошел. Но так или иначе, он уехал вчера, затем был замечен в Калерии, а вот теперь оказывается, что появился... в Москве. Признайтесь, вы удивлены.

– Не сказал бы, сэр. Визит делового человека в Москву – не редкость в наши времена.

– Да. Но если у этого человека столь захватывающая биография... Чего только в ней не было, не так ли, Докинг? Так вот, меня очень серьезно интересует: зачем он полетел в Москву, с кем будет там встречаться, на какие темы разговаривать, и так далее. Кстати, вам известно, где Берфитт обосновался вскоре после того, как перестал заниматься интересовавшими нас делами?

– Этого я не знаю, сэр.

– В фонде «Лазарет». Вы о нем, безусловно, слышали достаточно много. Медицинский межнациональный фонд – хорошие клиники, первоклассная хирургия, широкая благотворительность в медицинском плане...

– И при всем этом немалые прибыли.

– А, я вижу, вы в курсе. Хотя я слышал, что в последнее время у них возникли финансовые затруднения, и они вынуждены принимать какие-то меры... Но кроме этого, Докинг, в последнее время Берфитт устанавливал – и установил, видимо – деловые связи и с другим фондом – «Призрение». А фонду этому, кстати сказать, принадлежит сеть филантропических заведений, которые в Африке и Азии носят название «Приют Ветеранов», а в Европе подобные же именуются «Пристань Ветеранов». И вот теперь, насколько мне известно, именно в Москве предстоит создание еще одной клиники фонда «Лазарет», а возможно – и новой Пристаней Ветеранов. Поразмыслите над этим совпадением – в свете того, что успел сообщить вам Томпсон Одингга.

– Это крайне любопытное совпадение, сэр. Но нельзя ли попросить наших московских коллег?..

– В данном случае нет, Докинг. Потому что у меня нет ничего, кроме чисто интуитивных подозрений, а такими я не вправе делиться с кем бы то ни было за пределами нашей службы. Полагаю, вы уже поняли: я хочу, чтобы вы последовали за Берфиттом и деликатно выяснили все это. И если вам покажется, что эти дела как-то соприкасаются с африканскими... что ж, в таком случае продолжите свой путь по следам Одингги.

– Не проявим ли мы в этом случае некоторой бестактности по отношению к московским службам?

– Ничуть. Вы поедете туда официально, и будете контактировать с их институтами, но не ставя их в известность об основной цели вашей поездки. Официальным поводом будет... ну, мы найдем его. Но, конечно, вам не возбраняется намекнуть, если представится возможность, на то, что Берфитт сам по себе – фигура любопытная, с прошлым, хотя к его настоящему у нас явных претензий нет. А официальный повод – ну, хотя бы поинтересоваться, как у них поставлен контроль над точками казахстанской тропы: нет ли там какого-то шевеления. Кстати, это тоже достаточно серьезно, и мы будем рады всякой информации по этому поводу. Так что идите и собирайтесь.

– Будет сделано, сэр.

– М-да. Бедный Томпсон Одинга...

– Он подавал большие надежды.

– Это молодое поколение... какое-то малозащищенное, вам не кажется, Докинг? Мы в наше время держались куда крепче. И, как видите, до сих пор живы. Говоря о молодых, я не имею в виду лично вас, Докинг. Насколько мне известно, вы всегда справлялись с задачами.

– Благодарю вас, сэр. Однако я не так уж молод.

– Зависит от того, с кем сравнивать. Но вообще молодость – понятие не возрастное. Кстати, вас не пугают московские холода? Одевайтесь потеплее.

– Я плохо переношу жару, сэр, я ведь северянин.

– Значит, все в порядке. Итак, доброго пути. Как сказано: путешествия развивают юношество. Так что укладывайте чемодан. Не бойтесь, там, говорят, все сильно изменилось с тех пор, когда там бывал я. И они, кстати, неплохо работают. Судя по результатам.

– Да, сэр. Неплохо.

Докинг вышел. Зашагал к лифту.

«Все-таки, старик прав. Чутье у него пока еще острое. Мгновенно понял, что у контрабанды человеческими тканями – большая перспектива с точки зрения доходности и постоянного расширения спроса. Это надо выявить и пресечь в самом начале, пока дело не разрослось неимоверно. Тот, кто это делает, разумеется, сразу же будет замечен, и... ну, и так далее.

Пора бы тебе распрощаться с честолюбием, – не очень жестко упрекнул Докинг сам себя. И тут же ответил: «Пока дышишь – надеешься».

Мерцалов, с недавних пор уже генерал-лейтенант, в своем недавно отремонтированном кабинете – два окна на площадь – принимал гостя из Великобритании. Сидели в креслах – третьим был Надворов, заместитель – за кофейным столиком. Разговаривали негромко, понимая друг друга с полуслова, иногда, впрочем, требовались и более подробные объяснения. Но в целом чувствовали друг друга отлично. Переводчика не требовалось, впрочем, только генералу, Надворов порой затруднялся с пониманием. Разговор шел спокойно, лишь изредка Мерцалов на секунду-другую задерживался в поисках точного слова. Зато говорил без акцента, что в России встречается не так уж редко, хотя и не слишком часто. Их не прерывали: Мерцалов приказал звонки на него не переводить, а телефоны прямые пока что не беспокоили.

– Так вот, мистер Докинг, – сказал Мерцалов в самом начале беседы, помешивая ложечкой в кофейной чашке (гость по достоинству оценил качество фарфора), – пока никаких телодвижений в раскрытых нами узлах мы не наблюдаем. Но контроля не снимаем. Если это единственный интересующий вас вопрос, то можете доложить вашему руководству, что тут, по нашим данным, все в порядке. Более подробно может вам рассказать мой заместитель – он занимается этой проблематикой вплотную.

Надворов кивнул и улыбнулся. Докинг поклонился:

– Благодарю вас, сэр.

– Однако если вы позволите мне высказать одно предположение...

– О, разумеется!

– Благодарю. Предположение мое заключается вот в чем. Недавно в наших краях появился некто Берфитт. Полагаю, человек этот вам известен.

Докинг постарался сохранить полное спокойствие.

– Я наслышан о нем, сэр.

– Когда мы разговаривали с людьми, замешанными в работу тропы, эта фамилия всплыла не раз и не два. Могу ли я предположить, что ваш приезд как-то связан с визитом этого джентльмена?

– Мы не располагаем никакими данными о его противозаконной деятельности в последние годы.

– У нас это называется «завязал». Что ж, вы прекрасно не ответили на мой вопрос, но настаивать я не буду. Вероятно, у вас есть основания. Но если вас интересует какая-то связанная с ним информация...

– Мы никогда не забываем старых знакомых, – сказал Докинг. – Тем более из числа наших соотечественников.

– Еще один прекрасный ответ. Но чего-либо из ряда вон выходящего я вам сообщить не могу, ничего компрометирующего. Живет в отеле «Империиум», намерен встретиться с работниками Министерства здравоохранения. Прибыл к нам в качестве полномочного представителя международного медицинского фонда «Лазарет». Приходилось слышать?

Докинг покачал головой:

– Лишь в самых общих чертах. Кажется, фонд объединяет несколько хирургических клиник в разных частях света?

– Совершенно верно. Клиник, специализирующихся на имплантации внутренних органов людям, неизлечимо больным, а в последние годы – и на восстановлении утраченных конечностей за счет донорских. Дело весьма благородное, и ни в каких комбинациях они не замешаны. Во всяком случае, нас об этом никто не информировал. Вас, надо полагать, тоже?

Докинг кивнул. Надворов внимательно слушал.

– Так вот, насколько мне известно, Берфитт прибыл в связи с реализацией соглашения между нашей страной и названным фондом. Полгода тому назад они предложили в порядке гуманитарной помощи и развития отношений приспособить для подобной деятельности одну из наших клиник. Фонд взял на себя поставки оборудования и обучение врачей их методикам. У нас, конечно, пересадками занимаются тоже достаточно давно, но не в таких масштабах, как, скажем, в Америке. Поставки оборудования и монтаж его ведутся, но, как обычно в таких случаях, возникают какие-то мелкие неувязки. Вот поэтому ваш Берфитт и прибыл сюда – своего рода чрезвычайный эмиссар. Мы не стали бы обращать на него внимания, да личность уж больно интересная, не правда ли? Но пока мы никакого криминала в этом не усматриваем. Напротив, есть хорошие сдвиги: по его словам, через день-другой прибудет новый главный врач – весьма опытный хирург и организатор. Он поведет клинику, пока все не наладится должным образом.

– Несколько неожиданная для него роль, – сказал Докинг. – Но, видимо, он и на самом деле покончил с прошлым.

– Мы, конечно, наводили справки, насколько успели. Не только по поводу Берфитта персонально, но и вообще об этом контракте. Чисто. Уже известно, что наши врачи – есть договоренность – будут проходить стажировку во Франции, а пока их там будут натаскивать, у нас тут начнут работать специалисты одной из клиник этого фонда. Называется она «Гортензия», и находится под боком, в соседней стране. Слышали о ней? Новый главный врач, кстати, должен прибыть именно оттуда.

Докинг слегка нахмурился и, похоже, колебался – высказать ли то, что, казалось, само просилось на язык. Генерал сделал вид, что не заметил этого.

– Итак, «Гортензия», – молвил Мерцалов, вернув чашку на блюдце и откидываясь в кресле. – Разумеется, мы о ней информированы – клиника известная, весьма. Однако ничего такого, что их компрометировало бы, у нас нет. Да и вроде бы ни разу никакого шума не возникало, ни в печати, ни в судах, а знаете, как бывает, когда в клинике оступятся, и разъяренные родственники...

Надворов усмехнулся. Британский гость моргнул и сказал:

– Да, нам это известно.

Похоже, он старался расхотать как можно меньше слов, не имевших прямого отношения к приведшему его сюда делу.

– И тем не менее?..

Произнося эти слова, Мерцалов на миг глянул в зрачки своего визави и тут же опустил взгляд пониже, а именно, на галстук Докинга. Галстук был скромный, однотонный, и у Мерцалова было подозрение, что его собственный, вполне отвечавший моде высших московских слоев, англичанину кажется слишком пестрым и безвкусным, может быть даже, смешным. Мерцалов очень не любил выглядеть смешным. Но сам виноват. Оделся, как для американца, а это все-таки британец.

Но, кажется, Докинга занимал сейчас все-таки не мерцаловский убор.

– Дело в том, сэр, – сказал он неторопливо, решившись, наконец, – что у меня тоже не имеется к клинике «Гортензия» ничего, кроме интереса, а с недавних пор даже пристального интереса.

Это «меня» он намеренно подчеркнул, выделил голосом.

– Понимаю, – кивнул Мерцалов. – Я вас внимательно слушаю.

– С точки зрения профессиональной – медицинской – там действительно все обстоит благополучно. Клиника, как вы сами уже сказали, занимается почти исключительно трансплантациями. Диапазон их в этой области чрезвычайно широк. Сердце, легкие, печень, поджелудочная, половая сфера, конечности... Сейчас, пожалуй, трудно назвать пересадку, какой они не занимались бы.

– Я вижу – вы разрабатывали их достаточно серьезно. Почему?

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Самым правильным, наверное, будет сказать: для души. Видимо, мой кругозор настолько узок, что я могу всерьез увлечься только каким-то серьезным раскрытием. Хотя бывало – попадал в неудобное положение: интуиция подводила.

– Ну что же, я вас прекрасно понимаю. И что же вы выяснили?

– «Гортензия» – ведущая среди этих клиник. С нее, собственно, все и началось. Понемногу они собрали у себя едва ли не лучшие силы в этой области. Со всего света – от Аляски до Южной Африки. Если не ошибаюсь, там уже и сейчас работает несколько врачей из вашей страны.

– Совершенно верно, – согласился Мерцалов. – Там, насколько мне известно, созданы прекрасные условия и для работы, и в смысле уровня вознаграждения. Да и страна приятная – маленькая, уютная, уровень жизни – из самых высоких в Европе – да и в мире, наверное. Меня только удивляло, почему клиника эта возникла не в Штатах: мы привыкли думать, что все лучшее – в Америке, если только не успела перехватить Япония. Так было в прошлом веке, так началось и третье тысячелетие, первая его декада. И вот вместо этих обетованных стран – Европа, и даже не центр а, так сказать, ближе к окраине: Калерия. Вы об этом не задумывались?

– Задумывался, и очень серьезно. Хотя думать начал не так давно, а лишь тогда, когда у меня вообще возник интерес к «Гортензии».

– Как же вы объясняете себе такой выбор места? Я понимаю, если бы клиника там возникла, так сказать, на родной почве: талантливый хирург-трансплантолог, своя школа, инсти-

тут – ну, нечто подобное эффекту Нильса Бора в Дании в свое время. Естественно, когда в таких условиях возникает центр притяжения для тех, кого такая проблематика интересует, и они начинают съезжаться – одни едут сами, других приглашают персонально... Да, тогда все выглядело бы естественно. Но ведь на самом деле, если не ошибаюсь, все произошло не так?

– Совершенно иначе. Не было ни отечественного таланта, ни института. Появились организаторы и, разумеется, средства, стартовый капитал. Как мы теперь уже знаем точно, основатели «Гортензии» прежде, чем сделать выбор, достаточно внимательно исследовали несколько стран Восточной Европы, и только после такого вот частого поиска остановились на Калерии.

– Еще чашечку?

– М-м... С удовольствием. Черный, с сахаром.

– Извольте. Я думаю, мистер Докинг, раз уж вас заинтересовала эта клиника и ее история, вы наверняка проанализировали те параметры, по которым выбиралось место.

– Ну, конечно же.

– А вы откровенны.

– Это ведь мое личное дело. Не Службы.

– Быть может, вы ожидаете от нас какой-то помощи?

– Было бы глупо скрывать это. Но я хотел бы, с вашего позволения, прежде всего обрисовать обстановку детально. Если у вас есть время, разумеется.

– Нам везет: видите, меня пока не беспокоят.

– Итак, параметры. Прежде всего, конечно, я обратился к налоговой системе. Клиника и была задумана, как весьма прибыльное предприятие, какой и стала на самом деле. Естественно, что владельцы заинтересованы, как любой человек в мире, платить как можно меньше налогов. Поэтому, кстати, Америка должна была отпасть почти сразу. А в Калерии и первоначальный уровень налогов, и их прогрессивность достаточно мягки.

– Понятно. Могу им только позавидовать.

– Сначала мне тоже все было понятно. За исключением одного: в соседней Виландии налоги еще ниже.

– Может быть, климатические особенности...

– Они практически совершенно одинаковы. Кстати, если говорить о климате, то в Европе можно было бы найти десяток стран, гораздо более благоприятных в этом отношении.

– Может быть, в Калерии строительство обошлось дешевле?

– Вполне вероятно, если бы строительство клинического центра велось какой-либо из местных фирм. Но для производства работ была приглашена шведская – не самая дешевая, скажу вам откровенно.

– Чем дальше, тем интереснее. Может быть, дешевле стоила земля?

– Да, она обошлась недорого. Но то же самое можно сказать и о соседних государствах: каждое из правительств было готово на немалую скидку, понимая, каким источником доходов и поводом для рекламы станет клиника. Речь идет не только о налогах: в страну приезжают будущие пациенты, и как правило не в одиночку, а следовательно – гостиницы, магазины, туризм, транспорт... «Гортензия» существует четыре с лишним года, и, поверьте мне, Калерия на ней зарабатывает совсем неплохо. Я уже не говорю о рабочих местах: весь низший персонал, разумеется, местный, а его немало, потому что комфорт и сервис в клинике воистину первоклассные.

– Значит, и не стоимость земли.

– Она, кстати, не куплена. Лишь арендована на девяносто девять лет. Но без права пересмотра условий.

– Весьма предусмотрительно.

– Уверяю вас, в создании клиники участвовали не только высокопрофессиональные медики, но и адвокаты, и крупнейшие рекламисты, проект создан американской фирмой, оборудование – японское, американское, германское.

– А охрана?

– Что?

– Я спрашиваю: а из кого набирали охрану?

– Что-то наподобие интернационального легиона. Крутые профессионалы. Кстати, ваши соотечественники тоже принимают в этом участие не только у операционных столов.

– Я в этом и не сомневался. Кстати, Виталий Владленович, этими людьми стоит поинтересоваться.

– Будет сделано, – ответил Надворов.

– Но мы отклонились. Итак, к каким же выводам вы пришли, пытаясь разобраться в проблеме «Гортензии», если такая проблема существует, разумеется. Если да, может быть, мы перейдем непосредственно к ней?

– О, конечно же. Что касается выводов, то я смог найти лишь одно преимущество, которым Калерия обладает перед своими соседями.

– И это?..

– Географическое положение.

– Любопытно.

– Сначала это и мне показалось не очень убедительным. И все же... Я обратили внимание на два обстоятельства. Калерия обладает морским побережьем, на суше же граничит с пятью государствами. В то время как та же Виландия – лишь с тремя.

– А второе?

– Самый крупный в этом регионе международный аэропорт. Едва ли не следующий после Франкфурта.

– Иными словами – все виды транспорта: морской, сухопутный, воздушный. Что ж, очень удобно для больных, нуждающихся в услугах «Гортензии». Похвальная забота со стороны владельцев... Кстати, вы еще не коснулись очень существенного вопроса: кто хозяин? Каково происхождение стартового капитала? Деньги ведь были, надо полагать, немалые. Кто создал этот самый Фонд?

– Он возник семь лет тому назад по инициативе и на средства трех крупных промышленно-финансовых групп. Репутация их не подлежит сомнениям. Были, правда, подозрения, что там отмываются деньги, но они не подтвердились. Однако сейчас меня интересует не это.

– Чем же, в частности, клиника привлекла ваше внимание? Не считая общих предположений.

– Разрешите, я буду излагать по порядку.

– Именно этого я и жду.

– Как правило, трансплантация в «Гортензии» стоит в среднем на пятнадцать процентов дороже, чем в других тоже прекрасных, но не столь широко разрекламированных клиниках.

– Ну, и что? Они ведь не страдают от недостатка пациентов?

– Напротив. Но кроме этого, они ежегодно делают определенное количество операций по очень незначительным ценам, и еще небольшое число – вообще бесплатно.

– То есть, чистая филантропия в ее натуральном виде.

– Именно.

– И опять-таки, вряд ли в этом можно найти какой-то криминал.

– Ну конечно же, нет. Однако...

– Да?

– Как по-вашему, что нужно для того, чтобы провести успешную трансплантацию?

– Наверное, очень многое.

– Например?

– Ну... Хирург. Персонал. Помещение. Аппаратура...

– Конечно. Но вы забыли главное.

– Ну разумеется! Пациент!

– А кроме него?

– Зависит от того, ставят ли там естественные органы, или искусственные.

– Только естественные. Вы не видели рекламу «Гортензии»?

– Нет. Наше телевидение ее не показывает. Видимо, приток пациентов из России не настолько велик, чтобы тратиться на такую рекламу.

– Так вот. В рекламе подчеркивается: только натуральные органы. И мало того: органы доноров, ведущих правильный, здоровый образ жизни. То есть не курильщиков, не алкоголиков, даже не жителей больших и донельзя загазованных городов. Доноров, правильно питавшихся и не позволявших себе никаких излишеств.

– И реклама соответствует действительности?

– Насколько мы смогли установить – да. Большая часть этих тканей, подлежащих имплантации, поступает из-за рубежа.

– Но я пока так и не понял, что здесь может интересовать вас. Бизнес – да. Типичный бизнес двадцать первого века, достаточно прибыльный, если даже вычесть деньги, идущие на борьбу с рекламой искусственных органов. Но где и в чем вы тут усматриваете нарушение закона, какое потребовало бы чьего-то вмешательства?

– Вот сейчас я и подхожу к этому, сэр.

«Если ты возвращаешься домой с работы тоже в таком темпе, то наверняка оказываешься там только назавтра», – невольно подумал Мерцалов. Но на лице его это никак не отразилось.

– Сколь ни странным это покажется, но за вывоз трансплантатов из любой страны взимается пошлина. Я не сказал бы, что очень маленькая.

– Об этом я не слышал. Хотя... Обождите, дайте вспомнить... Совершенно верно, было такое решение Евросовета, к которому потом присоединились и другие заинтересованные регионы. Когда же это было? Ага, если не ошибаюсь – четыре года тому назад. Я правильно вспомнил?

– У вас великолепная память.

– Гм... Да, там ведь было и о ввозных пошлинах, не так ли?

– Установление таких пошлин признавалось законным: трансплантаты тем самым приравнивали к любому другому товару, учитывая, что оборот их стал выражаться в достаточно крупных цифрах.

– Так-так.

– Из этого следует простой вывод: донорские ткани гораздо выгоднее заготавливать в той стране, в которой располагается сама клиника. Отпадают все таможенные расходы. Однако, если, допустим, в той же Калерии наладить такое внутреннее обеспечение невозможно по чисто статистическим причинам, то о России этого не скажешь. Надеюсь, это замечание вас не очень обидело?

– О, несколько. Наша статистика известна мне достаточно хорошо.

– Так что, казалось бы, параллельно подготовке собственно клиники устроителям следовало бы уделить внимание и подготовке снабжения. И тем не менее, таких действий не предпринималось и не предпринимается. А следовательно, по каким-то причинам представляется выгодным необходимые органы ввозить из-за рубежа, а поскольку это дороже, то можно предположить, что такой способ снабжения таит в себе какие-то преимущества, весьма существенные.

– Готов согласиться с вами. Теперь я начинаю понимать. Где пошрины – там и контрабанда, а это уже область если и не наших интересов, то, во всяком случае, интересов близкой нам службы. Вы это имели в виду?

– Совершенно верно. И у нас набралось уже достаточно большое количество фактов: такая контрабанда фиксировалась и изымалась. Мы полагали, что все идет на лад, и все их тропы полностью или почти полностью перекрыты. Но в последнее время стали подозревать, что дело обстоит не совсем так: мы пережали эту трубку, но это, похоже, никак не повлияло на количество совершаемых клиниками трансплантатов. А значит, существуют еще какие-то пути снабжения, о которых мы ничего не знаем. Вот это нас и интересует.

– Да, пожалуй, такого можно было ожидать. Мы все слишком замкнулись, может быть, на наркотиках, антиквариате, на фальшивомонетчиках. И упустили мгновение, когда возник новый вид выгодной контрабанды.

– Ну, нас может извинить то, что произошло это достаточно недавно. Что же касается выгоды...

Докинг не стал продолжать, только слегка развел руками. Мерцалов понимающе кивнул:

– Интересно... Впору создавать фермы для производства... Черт, это невозможно даже выговорить вслух, настолько противоестественно это звучит. Да, занимательно. Раз уж такая клиника возникает и у нас, мы будем интересоваться этим вопросом. Хотя Россия – страна обширная... Так что вряд ли им понадобится ввозить много органов из-за рубежа. Разумеется, мы попытаемся заинтересовать их таким предложением: создать донорскую компанию тут, на месте, беспошлинную. Посмотрим. Во всяком случае, я очень благодарен вам за информацию. Но не вижу, чем мы могли бы помочь вам сию минуту.

– Если у вас возникнет филиал «Гортензии», и вы будете за ним присматривать, это и будет помощью.

– Это в будущем. А сейчас?

– Сейчас... собственно, мне ничего не нужно.

– Тем не менее, мое обещание остается в силе. Да, интересно вы начали копать... Хотя, откровенно говоря, я не очень представляю себе возможности контрабанды в этой области. Это ведь не камушки, не валюта, не наркотики. Одно дело провезти несколько килограммов, допустим, героина, кокаина или другой пакости – они поддаются любой фасовке... да что я вам говорю, вы и сами лучше меня все это знаете, и совсем другое – контейнеры с трансплантатами, заполненные жидким азотом, требующие умелого и тщательного обращения... Их вы не запрячете за облицовку потолка, допустим, или в двойное дно чемодана, да их вообще невозможно спрятать, если уж говорить серьезно!

– Совершенно с вами согласен, сэр. Здесь нужна совсем другая механика, несомненно. Однако у меня, в частности, нет ни малейшего сомнения в том, что эта непостижимая система провоза существует. И я хочу найти все сам.

– Одному человеку это не по силам. Исключено.

– Может быть, со временем найдутся еще такие же энтузиасты, как я. Я ведь не один такой в мире. Встречал и других – похожих. У вас, например, был, помнится, мистер Милф. Когда-то мы с ним...

– Увы, он уже некоторое время в отставке.

– Однако, как я слышал, он и находясь в отставке выполнял некоторые задания Службы...

– Да, был такой эпизод. Но сейчас его все равно тут нет. Свободный человек, он решил повидать мир – те его части, в которые его не заносило по служебным делам. Умчался неожиданно, даже не попрощавшись.

– Так что сейчас он далеко?

– Честно говоря, я даже не знаю, где. То ли в Африке, то ли где-то в Бразилии... Просто не знаю.

Мерцалов сказал это совершенно искренне: он и на самом деле не знал. Не до Милова ему было в последнее время, и вообще не до отставников. Получают пенсию, живут, как живется, чего еще?

– Но не беспокойтесь, – утешил он британца, который, правда, и не выказывал никакого волнения. – Найдутся люди... если понадобится.

– Уверяю вас, это серьезно. И такие процессы лучше пресекать в самом начале.

– Догадываюсь. Кстати, само происхождение этих сверхпрограммных трансплантатов тоже может представлять интерес.

– Я отдаю себе отчет в этом. Однако, полагаю, что разумнее найти нить, и по ней добираться до клубка, чем искать в первую очередь клубок, который может оказаться где угодно. Даже у меня под кроватью.

Мерцалов кивнул.

– Что ж, примем к сведению.

– Благодарю. А теперь вот о чем: могу ли я доложить моему шефу, что ваша Служба продолжает контролировать ситуацию с рынком и наркотропами?

– Разумеется. Мы напишем официальное письмо. Все конкретные данные предоставит вам полковник Надворов.

И Мерцалов сделал движение, словно собираясь подняться.

– В любое время, – проговорил Надворов.

– Господин генерал, еще одна просьба – личная. Я хотел бы задержаться в Москве на несколько дней. Просто я здесь никогда не был...

– Это уже не моя территория, а МИДа; виза ведь у вас в порядке?

– Виза – в абсолютном. Я предупредил вас просто ради того, чтобы вы не отвлекали слишком много сил на мое сопровождение...

Мерцалов улыбнулся:

– Не больше, чем положено. Поскольку вы не премьер, не король и вообще не V.I.P., мы не станем уделять вам слишком много внимания.

– И вы позволите позвонить вам, если возникнет такая необходимость?

– О, разумеется. Правда, я далеко не всегда бываю в кабинете.

– Буду надеяться, что мне повезет.

– Желаю вам того же. Хотите совет на прощанье?

– Выслушаю с удовольствием.

– Эта клиника... Она уже ощутила на себе ваше внимание?

– О, вряд ли. Я умею, когда нужно, работать достаточно тонко.

– Пусть она ощутит.

– Зачем?

– Чтобы они занервничали. Тогда они, скорее всего, начнут суетиться. И делать какие-то, пусть маленькие, ошибки.

– Я понял вашу мысль.

– Вот и воспользуйтесь ею.

Докинг улыбнулся.

– Непременно. Я очень рад тому, что наши мысли совпали. Дело в том, что я уже задумал подобную операцию и вскоре начну ее осуществлять. А может быть, ее уже начал проводить один мой коллега – такой же маленький сыщик, как и я.

Мерцалов, пожалуй, покраснел бы, если бы умел краснеть.

– Ну, конечно же, – пробормотал он. – Кстати, раз уж вы решили задержаться в Москве, вероятно, вы нуждаетесь в каких-то советах? Что и где посмотреть... Возможно, вам понадобятся дефицитные билеты? В Большой театр, например... Хотя вы, наверное, воспользуетесь услугами посольства?

– Возможно, я и загляну туда... А что касается Москвы, то меня интересуют не театры. Меня занимает прежде всего Берфитт. Не можете ли вы облегчить мне задачу, сообщив его точные координаты?

Мерцалов усмехнулся:

– Могу. Смотрите только, чтобы вас не приняли за шпиона. Или за гостиничного вора, что более вероятно.

– О, – серьезно ответил Докинг, – возможно, они будут не так уж далеки от истины. Но в таком случае я снова прошу вашей помощи. Мне хотелось бы получить номер в той же гостинице, где остановился он.

– Вы настолько богаты?

– Я одинок, – серьезно ответил Докинг, – и не предаюсь дорогостоящим порокам. Только дешевым.

– Надеюсь, вам не изменит чувство меры.

– Ну, оно мне до сих пор ни разу не изменяло.

– Номер в «Империи» для вас полковник Надворов закажет немедленно. Это все?

– Теперь, видимо, да.

– В таком случае, разрешите последний вопрос. Вот эти ваши предположения и поиски – они никак не связаны с похищением бета-углерода?

Докинг выдержал взгляд Мерцалова, не дрогнув.

– Мы не участвуем в этой операции.

– Ах, так. М-да. Ну, желаю вам успехов.

Когда оперировал доктор Юровиц, наверху, за стеклом, на смотровой галерее всегда собиралось немало зрителей. Специалистов, разумеется, для которых это было еще одной формой учебы, а поучиться у Юровица было чему.

Только что сестра в очередной раз промакнула бумажной салфеткой проступивший на лице хирурга пот; в операционном зале и так было не холодно, но бестеневые лампы, казалось ему, еще повышали температуру. Увы, без них обойтись было невозможно. Особенно в возрасте, когда зрение подводит – пусть едва заметно, но все-таки начинает сдавать.

Сейчас обе берцовые кости были уже, после соответствующей обработки и подгонки, совмещены и скреплены, и шла кропотливая и ювелирная работа сращивания нервов. Операция делалась под местным наркозом, и доктор Юровиц временами бросал мгновенный взгляд в ту сторону, где находилось лицо пациента; бросал лишь по старой привычке: между ним и головой оперируемого был установлен экран, и можно было видеть только верхнюю часть его головы, а точнее – лишь густые черные волосы чемпиона мира по автогонкам «Формулы-один», на последних соревнованиях потерпевшего (не по его вине, впрочем) аварию и лишившегося правой ноги. Кости оказались раздробленными настолько, что проще было отнять пострадавшую ногу и поставить новую – с девяностопроцентной гарантией успеха. Лучше Юровица в клинике «Гортензия» никто этого не делал, а может быть, и во всем мире.

После нервотрепки с внешними слоями мускулатуры было уже значительно легче, и пот не досаждал до такой степени. Эту работу Юровиц доверил ассистенту, отошел от стола и аккуратно снял маску. перевел дыхание и почувствовал, что изрядно устал. Но это была предпоследняя операция; на последнюю сегодня его хватит, должно хватить. Однако нужно хорошо отдохнуть, медитируя: предстояло заменить кишечник, и это было хотя и не бог весть как сложно, но возни хватало. Тем более, что пациент был не какой-нибудь гонщик, а известный писатель, автор нескольких бестселлеров. Его обращение в «Гортензию» делало клинике хорошую рекламу, но зато требовало и стопроцентно положительного результата.

Он прошел в свой кабинет и был неприятно удивлен: его ждал посетитель, хотя всем было известно, что в свои операционные дни доктор никого не принимал. Однако доктор привык сдерживать свои эмоции – когда они были отрицательными.

– Господин главный врач...

– Я к вашим услугам, но не более, чем на десять минут: после этого я начну готовиться к очень серьезной операции.

– Как я слышал, у вас несерьезных вообще не бывает?

– А где они бывают? Несерьезных операций в медицине в принципе не существует, во всяком случае, если говорить о хирургии. Даже простое грыжесечение может привести к печальному результату, если не помнить каждую секунду о том, что всякое вторжение в человеческую плоть – действие рискованное и ответственное. Но, простите, насколько я понял, вы ведь не журналист, чтобы разговаривать на общие темы? Или я неправильно расслышал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.